

Скажи, что будешь помнить

Автор:

Кэти Макгэрри

Скажи, что будешь помнить

Кэти Макгэрри

Young Adult. Бестселлеры романтической прозы

Эллисон Монро – дочь губернатора Кентукки, идеальная девушка с безупречной репутацией и мечтой однажды стать больше чем хорошенькой куколкой в предвыборной кампании своего отца. Хендриксон Пирс – несовершеннолетний правонарушитель и талантливый музыкант, согласившийся на сделку с прокурором, чтобы спасти близкого человека. Они два разных мира, которым суждено встретиться и побороться за свою любовь. Оказавшись марионетками в политических играх, им предстоит не только выстоять против всех, но и побороть собственных демонов, которые грозят разрушить самое прекрасное чувство на свете...

Кэти Макгэрри

Скажи, что будешь помнить

Первый подросток в губернаторской программе «Второй шанс» выбран. Он признает себя виновным в ограблении и покушении на нападение.

Джейн Трайдент, «Associated Press»

SAY YOU'LL REMEMBER ME © 2018 by Katie McGarry

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.
This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A.

This is a work of fiction. Names, characters, places and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events or locales is entirely coincidental. © Cara Dolan/Stocksy United

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Лексингтонский подросток, арестованный за ограбление местного магазина самообслуживания и незаконное владение огнестрельным оружием, признал себя виновным и становится первым отобранном кандидатом для участия в программе «Второй шанс» губернатора Монро.

Разработчики программы, находящейся сейчас под сильным огнем критики, обещают покончить с так называемым каналом «тюрьма – школа». Американский союз защиты гражданских свобод определяет этот канал как «политику и практику, которые выталкивают наших детей, особенно детей из группы риска, из школьных классов в системы ювенальной и уголовной юстиции».

С целью замедлить рост уровня преступности среди подростков и сократить число тех из них, кто попадает напрямую в тюрьмы для взрослых, губернатор Монро, выполняя данное в ходе кампании обещание, создал программу «Второй шанс». Основное внимание уделяется терапии и специальным образовательным проектам, ориентированным на индивидуальные потребности в период тюремного заключения и призванным подготовить подростков к возвращению домой.

Критики указывают на то, что деньги, выделяемые штатом на «Второй шанс», нужны для финансирования других программ. Один наш источник, занимающий высокий пост и пожелавший остаться анонимным, заявил, что жители Кентукки не желают, чтобы их налоги тратились на подростков, которым невозможно помочь, а не на учащихся и студентов, которые мотивированы и стремятся к успеху.

С учетом сказанного, можно не сомневаться, что программа привлечет к себе пристальное внимание, и, как считают многие, политическое будущее губернатора будет зависеть от ее успеха или провала.

Хендрикс

«Все говорят, ты начинаешь с чистого листа». Мой брат, Эксл, сидит рядом, положив руки на согнутые колени, и смотрит на костер, который я собственноручно сложил из палочек и веточек и запалил кремнем. За последние три месяца я еще много чему научился. Тому, например, как выжить в одиночку в полном безлюдье.

Лес и медведи – не проблема. Теперь, когда я дома, проблема в том, кому можно доверять. Эксл это знает. Потому-то он здесь, со мной, тогда как наши друзья и родственники собрались на заднем дворе ради второпях организованной вечеринки, устраивать которую я не хотел.

Есть на этой вечеринке и тот, из-за кого я год провел вдали от дома за преступление, которого не совершал.

Напряжение сковывает шею, и я кручу головой, стараясь выпустить злость. Мне понадобилось почти восемь месяцев, чтобы найти душевное равновесие, но не прошло и тридцати минут, как затаившийся было гнев, преследовавший меня, словно темная туча, опять вернулся.

Напротив нас две девчонки, школьные знакомые, жарят на огне маршмеллоу. Ждут, что я заговорю с ними. Таким я был раньше: любил потрепаться ни о чем, знал, как рассмешить девчонку, как заинтересовать ее несколькими специально

подобранными словечками. Улыбочка в нужный момент, и вот уже трусики сброшены. Но сейчас мне не до разговоров и манипулировать кем бы то ни было нет ни малейшего желания.

Подумать только, раньше я жить не мог без компании. Чем больше, тем лучше. Но после восьми месяцев в центре содержания для несовершеннолетних правонарушителей и еще трех в глуши по программе «Раздвинь границы» мне больше по вкусу посидеть в одиночку перед костром.

– Все подтверждают, доступ к информации по твоему делу закрыт, – продолжает Эксл.

Он умалчивает о том, что так будет, если я выполню свою часть сделки – соглашения, достигнутого с окружным прокурором после моего ареста. Я признал себя виновным, а окружной прокурор не стал предъявлять мне обвинения как совершеннолетнему и не отправил во «взрослую» тюрьму строгого режима. Учитывая, что денег на такого адвоката, который доказал бы мою невиновность, у нас не было, сделка представлялась лучшим из двух вариантов.

– Ты получаешь отличный второй шанс.

Во всю эту заварушку я попал случайно – просто так вышло, – но попал в удачное время. Наш губернатор как раз искал подростков-правонарушителей для своей пилотной программы. Кто-то наверху решил дать мне шанс повернуть жизнь в нужном направлении, но этот шанс имеет цену. Цену, которую мой брат мне сейчас и называет.

– Вариант хороший. Начать с чистого листа. Немногим такое удастся.

Чистый лист. Это меня и страшит. Может, в том, каким я был до ареста, мне нравится не все, но я, по крайней мере, знал себя. Этот чистый лист, эта возможность стать кем-то другим пугает. Этот новый тип давления. Раньше у меня хотя бы было какое-то оправдание. Теперь если облажаюсь, то только потому, что со мной действительно что-то не так.

Костер потрескивает, потом взрывается, и угольки улетают в майскую ночь. Моя младшая сестра смеется на другом конце узкого двора возле старенького дома-

пенала, и ее смех напоминает звон тарелок хай-хэт[1 - Тип тарелок, используемых в ударных установках.]. Так знакомо, так приятно. Я впервые чувствую себя по-настоящему дома.

Ей сейчас шестнадцать, выросла быстрее, чем хотелось бы. Она – одна из четырех людей на свете, которых я люблю больше жизни. А еще одна-единственная причина, почему я здесь, а не в своей тесной комнатухе. По словам Эксла, это Холидей пришло в голову устроить вечеринку.

От дуба к дубу, через двор развешены зигзагом старые рождественские гирлянды – зеленые, красные, голубые. Большинство гостей пришли со своими стульями и угощениями. Первый обед свободного человека – гамбургеры, хот-доги и картофельный салат. Чего бы я только не отдал за кусочек толстой хрустящей пиццы, но сказать об этом сестренке духу не хватает.

– Она по тебе скучала, – говорит, перехватив мой взгляд, Эксл.

– Я по ней тоже. – Это мои первые слова с тех пор, как мы съехали на дорожку. Раньше я всегда бывал душой компании, заводилой, но теперь, не разобравшись толком в себе, по большей части помалкиваю.

– Мне тебя не хватало, – говорит брат едва слышно. – Без тебя здесь все было не так.

А будет ли когда-нибудь по-прежнему? Этого никто не знает.

– Тот придурок здесь?

Эксл смотрит на Холидей, которая как раз толкает в плечо моего лучшего друга, Доминика. Оба улыбаются. Доминик в шутку берет ее на захват, но она легко выскальзывает. А потом – как говорится, помяни черта, и он появится – на горизонте вдруг вырисовывается сам поганец, бывший бойфренд Холидей.

Неровные волны черных волос, футболка с надписью «Styx», как будто он присвоил право на владение всем, что связано с рок-н-роллом, и на физиономии улыбочка, при виде которой так и хочется вколотить зубы ему в глотку. Если бы пройденный за последний год курс терапии дал положительный результат, я бы

не испытывал сейчас тайного злорадства при виде его кривого носа и шрама. И то, и другое – знаки, оставленные моим кулаком в прошлой жизни. Он заслужил их тогда своим отношением к моей сестре. Думаю, заслуживает чего-то такого и сейчас.

Возникнув рядом с Холидей, Джереми обнимает ее за талию с таким видом, будто для него это обычное дело, а моя сестричка цветет и тает от удовольствия. Стройный и даже изящный, парень выглядит болезненно бледным, особенно в сравнении со смуглой, пышущей здоровьем Холидей.

Сестра пошла в мать. По крайней мере, такой вывод можно сделать, глядя на фотографии ее матери, когда та была моложе. Чернокожая, с танцующими глазами и улыбкой, которая могла осветить самую темную ночь. Кожа у Холидей светлее, но в остальных отношениях она – копия матери.

Джереми уводит мою сестру от Доминика, от всего хорошего, что есть в мире, и затягивает в тень. Я вижу их в сумерках и прикидываю, не проверить ли еще раз его нос на прочность.

– Ты же сказал, что они вроде бы расстались.

– Она с ним порвала, – подтверждает Эксл. – Примерно полгода назад. Но за пару месяцев до твоего выхода он снова приполз – мол, все понял, стал другим. На прошлой неделе Холидей его приняла, и я сказал ей, что есть правила. Мне нужно, чтобы и ты их вспомнил. Если она нарушит правила, нам придется проявить твердость.

Двадцатилетний кровельщик, посещающий вечернюю школу, чтобы стать фельдшером «Скорой», и семнадцатилетний правонарушитель воспитывают шестнадцатилетнюю девчонку. Такое нарочно не придумаешь.

– А есть среди этих правил такое, что ему запрещается подходить к ней ближе чем на сотню футов? Судебный запрет, так оно называется, да?

– Она клянется, что он изменился.

Изменился. Предполагается, что изменился как раз я. В лесу, где наш психолог говорил о готовности прощать. Если я не простил парня, который довел до слез мою сестру, значит ли это, что я остался прежним?

– А он изменился?

Эксл поджигает губы. Палочка летит в огонь, пламя охватывает ее и в считанные секунды превращает в пепел. Да. Такой ответ – пинок в живот.

– Я слишком много говорю. Толкаю ее прямо в его объятия, – хмыкает Эксл.

Я сам живое тому подтверждение. Перед самым арестом поцапался с сестрой из-за этого придурка, и в результате все закончилось не лучшим образом.

– Держусь тихо, как будто выставил ее душу на продажу. Никто не вручил мне пособие по воспитанию подростков, когда бабушка Холидей подписала документ о передаче прав опекуна. До того никаких правил Холидей не знала. В моем доме они есть. В остальном полагаюсь на импровизацию.

Исподтишка бросаю взгляд на старшего брата, жду, что он объяснит, какие чувства питал ко мне перед моим арестом. Вот только я ни в какие плохие руки не попадал. Меня родители просто ненавидели.

– Но ты вернулся, – продолжает Эксл, – и теперь у тебя будет возможность присмотреть за ней. А я смогу наконец определить какие-то границы. Правила. По крайней мере ограничить время, которое она проводит с ним.

– Думаешь, послушает? – спрашиваю я. – Будет выполнять правила?

– Может, она и не слушает то, что касается Джереми, но все остальное выполняет четко.

Для непонятливых перевожу: Холидей – не я.

– Мне тоже установишь правила?

Эксл фыркает:

– А тебе без них никак?

Может быть, но в ответ я только поднимаю пальцы.

– Как тебе такое: ты больше не облажаешься.

– Понял. – По крайней мере надеюсь, что так оно и есть.

– Как дела, Эксл? Привет, Дрикс! – Старый приятель – когда-то мы вдвоем устраивали концерты в местных клубах – здороваются за руку с Экслем и кивают мне. «Привет, ты как?» – «В порядке».

Они разговаривают, а я смотрю то на них, то на огонь.

Мой старший брат – теперь еще и мой опекун. Так постановил суд. Слишком много глупостей я наделал, живя с мамой, а папа не из тех, на кого можно положиться. Эксл на девять лет старше, у него приличная работа, а еще ему достались по наследству все рецессивные гены ответственности, которых нет ни у мамы, ни у папы.

Мы с Экслем пошли в отца. Русые волосы, темные глаза, тяжелый металл в душе. В том, что касается музыки, наши пристрастия, в общем-то, не изменились, хотя стиль уже не тот. У него обе руки в татуировках и серьги в ушах, а я ни тату, ни серьгами не увлекался и волосы носил до плеч, тогда как Эксл сбрасывал их под корень.

Первым, с чем я столкнулся, попав в центр содержания для несовершеннолетних правонарушителей, была стрижка «под ноль». Сейчас волосы немного отросли, но на висках они едва заметны, а сверху торчат ершиком, как будто это мой собственный выбор. Как сказала Холидей, когда я пришел домой, у меня стрижка хорошего парня и походка плохого.

Друг уходит, прощаясь с Экслем, ударившись кулаками. Меня похлопывает по спине. Молодцом, брат. Ты все пережил – и внутри, под замком, и снаружи, в лесу.

– Странно, что ты в разговор не вклинился, – говорит брат.

Да, странно. Не быть в гуще событий. Не рассказывать какую-нибудь забавную историю. Не смешить компанию забавной шуткой и не смеяться громче всех, слушая другого.

Раньше я пил, чтобы напиться, врезать кому-нибудь, помахать кулаками, а утром пожалеть о случившемся.

Теперь я другой – спасибо годовому курсу групповой терапии. Семь ее месяцев прошли за решеткой, еще три – в лесу. Три месяца пеших походов, спусков на байдарке по забытым рекам, восхождений на вершины. Три месяца полного изнеможения, такого, что когда мне вручили рюкзак весом в пятьдесят фунтов, я даже и не понял, хорошо это или плохо.

В пятнадцать лет меня отправили жить с мамой, и хотя многое из того времени мне неприятно, было в нем и кое-что хорошее. Я не огорчаюсь оттого, что потерял плохое, но мне становится не по себе при мысли, что утрачено также и хорошее.

– Как разыграем? – спрашивает Эксл. – Чем я могу помочь?

Речь идет не о вечеринке – брат имеет в виду, как мы уживемся втроем: я, он и Холидей. Как я приспособлю части прежней своей жизни к жизни новой, определенной судебной сделкой. В конце концов Эксл говорит о том, о чем мы никогда не говорили после моего ареста.

О том, что на самом деле преступление совершил кто-то, кого мы оба знаем и любим.

Мы оба думаем, что это была Холидей на пару с Домиником или Доминик сам по себе. Ни она, ни он за решеткой не выжили бы. Я – дело другое. Я не сломался, и для меня важно одно: чтобы семья верила в мою невиновность. Они и верили, а вот полиция – нет. К тому же на меня указывали улики. Вот почему Эксл и говорит, что нам еще повезло с той сделкой.

– Это хорошо, что ты снова сможешь играть, – продолжает брат. – На ударных лучше тебя никого нет.

Ударные. Все последние месяцы я мечтал о том, как снова сыграю на барабанах. Без родных, без барабанов – мне как будто отрубили руки. Я и потому еще не обрадовался этой вечеринке, что иначе представлял себе возвращение домой, думал, что пройду сразу же в гараж, сяду в тишине за установку, а потом сыграю. Почувствую ритм в крови, в сердце. Почувствую, как музыка заполняет пустую душу. Только я и мои барабаны, а еще радость от осознания того, что, по крайней мере, вот это осталось со мной.

Но не все так просто. А вдруг, начав играть, я снова стану тем же кретином, что и раньше? Вдруг с музыкой вернется и все дурное?

– Когда пресс-конференция? – спрашиваю я.

Смысл судебной сделки заключается в том, что штату нужны десять проблемных подростков, из которых одному назначена роль живого примера, доказательства того, что политые потом деньги налогоплательщиков идут на благое дело, что благодаря им порочной практике «из-за парты в тюрьму» будет положен конец. Другими словами, избиратели должны знать, что предложенная губернатором программа – это надежный барьер, останавливающий несовершеннолетних на пути из школы за решетку.

В прошлом году Эксл чуть с ума не сошел, когда окружной прокурор упомянул, что если я не пойду на сделку и не признаю себя виновным, то они предъявят мне обвинение как совершеннолетнему. Тогда-то он и уговорил меня согласиться со всеми их предложениями и позволить им полностью располагать мной, пока я не закончу школу. Я должен появляться везде, где они пожелают меня видеть, должен говорить то, что они захотят услышать, и при этом держаться подальше от возможных неприятностей. От одной мысли, что меня осудят как взрослого, я испытал неподдельный страх. Можно быть каким угодно крутым, но оказаться в настоящей тюрьме не то, что обычно включают в список желаний.

Эксл хрустит костяшками пальцев, и мой желудок скручивается в канат. Похоже, его ответ мне не понравится.

– Пресс-конференция – завтра.

Час от часу не легче.

– Где?

– Мэй Фест, в Луисвилле. Я так понимаю, что они уже планировали общую пресс-конференцию, а потом узнали, что ты выходишь, вот и...

От одного приговора ушел, другой получил. Логично.

– Не так уж все и плохо. То, что тебе сказать, напишут заранее. Продлится это минут десять. Самое большое, двадцать. Я подумал, что мы поедем туда все вместе. Погуляем, принесем тебе смену одежды, сделаем дело – и домой.

Все продумано, все спланировано. Моя задача – повторять за другими, пока не закончу школу. Такова договоренность, и я ее выполняю. Эксл только потому и согласился взять опеку над Холидей, что я пообещал вернуться домой и помочь ему.

Раз уж наши биологические родители неспособны самостоятельно дорогу перейти, то все обязательства – финансовые, эмоциональные и прочие – нам придется взять на себя.

– Раз так, то мне надо как следует выспаться.

– Наверное.

Но мы оба не двигаемся с места. Смотрим на огонь. Дивимся, как мне удалось вляпаться в такое. Со страхом думаем о том, что может принести будущее.

Эллисон

Ярмарки всегда были моим любимым местом. Справа от меня – аттракционы с веселыми, вопящими от удовольствия и страха людьми, слева – мелькающие огоньки и звонкие колокольчики игровых автоматов.

Родители привезли меня в Мэй Фест, чтобы я побывала на папиной пресс-конференции, и разрешили погулять несколько часов по ярмарке. Мне полагалось веселиться до упаду, но вышло по-другому. Последние пять минут за мной таскаются двое каких-то парней, и из-за них настроение у меня не самое лучшее.

В руке жужжит сотовый. Я отступаю в сторонку, между двумя павильонами, чтобы прочитать сообщение. Может быть, парни, увидев, что я занята, пройдут мимо. А еще я надеюсь, что сообщение от моего двоюродного брата Генри. Мне семнадцать, а ему уже двадцать четыре, он в армии и должен со дня на день приехать домой. В Кентукки Генри не было давно, а мне так не хватает его, моего лучшего друга и старшего «брата». Какое счастье, это действительно он! Буду завтра. Сможешь приехать к бабушке?

Вздыхаю. Лучше бы, конечно, если бы он забыл о своих разногласиях с папой и провел хотя бы часть отпуска у нас, но настаивать я не собираюсь... пока. Кое-какие вопросы лучше решать лично и с глазу на глаз.

Пишу в ответ: Смогу. Никаких планов пока нет. Сейчас я в парке, а чуть позже у папы назначена пресс-конференция.

Генри: Тебе не позавидуешь.

Я: Не так уж все и плохо.

Генри: Врушка.

Вообще-то, так оно и есть. Пресс-конференция – то еще занудство. Все эти мероприятия по сбору средств, встречи с избирателями – мозги вянут, но признать, что Генри прав, значит только распалить его злость на моего отца. Вот почему я меняю тему.

Я: Есть хорошие новости.

Генри: Какие?

Я: Меня почти отобрали для стажировки!!!

Генри: Великолепно! Мои поздравления, Элли!

Улыбаюсь, как дурочка, в телефон. Начиная с прошлой весны я весь последний семестр предпоследнего школьного года боролась за право пройти собеседование для прохождения практики в компании, занимающейся программным обеспечением. Час назад мне сообщили по электронной почте, что я дошла до финального этапа. Генри первый, кто узнал эту новость. Так приятно наконец-то поделиться с кем-то радостью.

Поскольку я вовсе не была уверена, что мое заявление о стажировке рассмотрят, родители о моих успехах даже не догадываются. Они возлагают на меня большие надежды и в последнее время немного расстроены тем, что я не воссияла ни в одной из сфер моей юной жизни. С учебой у меня полный порядок, и им это известно, но папа с мамой хотят, чтобы я хоть раз оказалась в чем-то первой, а не третьей.

Теперь придется все рассказать – и сделать это побыстрее, – потому что без их письменного согласия меня не допустят к собеседованию. Может, родители и не обрадуются, узнав, что я скрыла от них такие важные события в моей жизни, но лучше бы им сосредоточиться на моем успехе, а не на моей скрытности.

– Да ты просто красотка, – говорит парень в красной бейсболке справа от меня. От него воняет лосьоном после бритья и чуточку спиртным.

Замечательно. Они все-таки потащились за мной и, даже увидев, что я занята, не оставили покое.

Опускаю телефон в сумочку, достаю из бокового кармашка бутылку пепси и иду дальше, рассчитывая оторваться в толпе от этого придурка и его приятеля. Они, однако, не отстают – проскальзывают, протискиваются, вертятся как ужи. Стараюсь игнорировать.

Все эти благотворительные папины встречи так меня достали, что на прошлой неделе даже Генри взялся меня подбодрить и призвал радоваться жизни. А лучше всего настроение поднимают аттракционы, игры да еще – поскольку во мне кипит мятежный дух – настоящее пепси. Вот только моя повернутая на здоровье мамочка в ужасе от всего, что в банках.

Где-то между выходом с очередного аттракциона и покупкой еще одного напитка два моих преследователя, Придурок Номер Один и Придурок Номер Два, почему-то вообразили, что я мечтаю оказаться в их компании.

Вообще-то, я большая девочка и постоять за себя могу. Мама очень огорчилась бы, узнав, что Генри научил меня, как ударить побольнее или двинуть коленом в пах. Разумеется, я не настолько глупа, чтобы думать, будто эти мои навыки произведут впечатление на родителей. Скорее, наоборот, только не на шутку рассердятся.

Оба моих преследователя чуть старше меня, оба держатся развязно, с чванливостью студента колледжа, у папаши которого денег куры не клюют. Тип знакомый – среди приятелей Генри было немало таких в старших классах школы и в первые два года в колледже.

– Давай, зависни с нами, – говорит Придурок Номер Один. – Позабавимся.

– Не интересуюсь, – отвечаю я. – И буду благодарна, если оставите меня в покое.

Придурок Номер Два – тот, у которого нет бейсболки, – встает у меня на пути.

– Ты такая красotka. Блондинка, голубоглазая, фигурка отпад.

– Я же сказала – нет.

– Может, ты просто сама не знаешь, чего хочешь? Пойдем с нами, и тебе не придется ничего решать. Мы покажем тебе новый мир. Послушай, я сам позабочусь о том, чтобы ты провела чудесную ночь. Ну же, красавица.

«Не придется ничего решать». Должно быть, думает, что у меня в голове нет ничего, кроме волосяных фолликул.

Мышцы напрягаются, но на лице расцветает привычная, доведенная до совершенства улыбка. Мама всегда учит меня не проявлять гнев в публичных местах. Ненавижу слово «красивая». Терпеть его не могу. За ним разрешение всему миру делать неверное предположение относительно моего ума. Называя меня «красивой», мужчина словно произносит тайный пароль, услышав который

я должна пасть к его ногам. После этого он может говорить мне или обо мне все что угодно, а я не должна ни обижаться, ни злиться.

Только вот каждый, кто так считает, очень сильно ошибается.

Я поднимаю уголки губ все выше и выше и уже чувствую, что гримаса на лице начинает отражать мои нехорошие мысли. Выказав таким образом неодобрительное отношение к самому факту их существования, я отступаю в сторону от траектории движения Придурка Номер Два и направляюсь к выбранному аттракциону под названием «Прибей Крота». Большая змея назовет мое имя и провозгласит победительницей.

К сожалению, оба моих преследователя, похоже, так и не усвоили детсадовских правил поведения, намеков не понимают и тащатся за мной.

– Что-то мне твое личико знакомым кажется, – говорит один из них, и моя внутренняя сигнализация тут же срабатывает.

У большинства людей я вызываю ощущение дежавю. Как белая пушистая кошка, раз за разом переходящая дорогу, заставляет глючить мозг. Я не настолько знаменита, чтобы поклонники ходили за мной по пятам, но и не просто тень клиповой газетной памяти: я – дочь губернатора.

План действий? Прогнать. Мама была бы в ужасе, но если она каким-то образом узнает об этом, можно заявить, что так вышло случайно.

Оглядываюсь через плечо, одновременно поворачивая крышечку на бутылке.

– Неужели? И кого же я тебе напоминаю?

– Не могу вспомнить. Может, кинозвезду? – Придурок Номер Один расплывается от счастья, как будто, ответив ему, я заодно согласилась раздеться догола на заднем сиденье его машины и заняться с ним сексом. Встреча со мной – событие в их жалкой жизни. Интересно, каков их рейтинг успеха, и если он высок, должен же быть некий предписанный порядок действий, следуя которому девушки могут избежать встречи с такими, как эти двое.

– Какую кинозвезду? – Я кружусь на мысочках, «случайно» теряю равновесие, падаю вперед, и мое драгоценное пепси становится жертвенным агнцем. Капли коричневой жидкости летят на рубашки парней – это у меня получается прекрасно.

– Боже! – Ладонь взлетает ко рту, хлопаю ресницами. – О, извините. Мне так жаль. Возьмите салфетки. Здесь тучи пчел, и, если вы сейчас не промокнете эти капли, они налетят на вас всем роем.

Лицо Придурка Номер Два идет красными пятнами, и с него смотрит на меня сама смерть.

– Ты нарочно нас облила.

Да, нарочно. И мне трудно удержаться от улыбки, когда на его руку опускается первая пчела. «Жаль, подружка, сделай ему больно, и ты заслужишь мою вечную признательность».

– Уходим. – Придурок Номер Один кладет руку на плечо приятеля. – Давай.

Я машу рукой – кышшш! – и наконец-то поворачиваюсь к ним спиной. Пусть отмываются или умрут от пчелиных укусов. Меня устраивает любой вариант. Пришло время быть нормальной. Вернее, быть нормальной и побеждать. Нормальные люди – вполне конкурентоспособны, в этом я нисколько не сомневаюсь.

* * *

Красные огоньки мигают, колокольчики звенят, и я вскидываю руки в знак победы. Я даже изображаю нечто вроде танца, который исполняла в недолгие и ужасающе провальные дни пребывания на посту чирлидера футбольной команды в младшей лиге, и слегка покачиваю бедрами.

Скандирование речовок показало, что мне не доставало не только чувства ритма, но и энтузиазма в поддержке моей команды при температуре тридцать градусов и под проливным дождем. В свою защиту скажу так: много ли найдется девочек, которым нравится мокнуть под ливнем?

Группа рядом со мной бросает свои молоточки. Только один горестно стонет, как будто проиграл семейные сбережения. Остальные смеются и добродушно подначивают друг дружку. Играть с ними было одно удовольствие. Три раза подряд двое парней и две девушки соперничали со мной. Трижды они выгребали мелочь из карманов, трижды мы задирали друг дружку, как и заведено на местных ярмарках, и трижды я тыкала их носом в пыль.

«Прибей Крота» – не для трусов. Эта игра для серьезных людей, и побеждают в ней только серьезные, а я – серьезная девушка, когда дело доходит до ярмарочных игр и выигранных в тяжелой борьбе мягких игрушек. Кто-то должен играть и выигрывать, и этот кто-то – я.

На несколько минут я позабыла, что должна быть идеальной, и была просто собой. Какое ж это удовольствие!

– Хорошая игра. – Одна из девушек выставляет кулачок, и браслеты у нее на запястье лязгают и звякают. Она примерно моего возраста, у нее черные вьющиеся волосы в тугих колечках и дружелюбные темные глаза. И ее одежда мне нравится. Джинсы в обтяжку, укороченный топик, красивая цепочка вокруг плоского загорелого живота, соединенная с колечком в пупке. Дерзкая ухмылка и такой же стиль. Я восхищаюсь и тем и другим.

Я не из тех, кто привык к такому общению, и она, видя мое колебание, понимает, что предлагает мне игру на чужой территории. В конце концов я все же стучаю кулачком о ее кулачок, потому что я не только в высшей степени конкурентоспособная, но и редко отказываюсь от брошенного мне вызова. Учитывая все это, можно только удивляться, что мама вообще позволяет мне выходить из дома.

– Хорошая игра.

Ее усмешка расплзается в обе стороны, и у меня захватывает дух – то же дежавю. Перестань, молча молю я и, когда она отворачивается, чтобы сказать что-то друзьям, облегченно выдыхаю.

Большинство ребят в ее группе примерно одного с ней – и со мной – возраста, за исключением парня, которому я бы дала лет двадцать с небольшим. Судя по

тому, что все слушают, когда он говорит, относятся к нему с уважением.

Я наблюдаю за ними дольше, чем следовало бы, потому что отчасти завидую их единству, принадлежности друг другу. Генри двадцать четыре, он любит меня, но единственное, что нас объединяет, это мои родители, с которыми он уже два года не разговаривает.

Неподалеку откашливается работник аттракциона. Переключаюсь на смех и крики, на запах попкорна. Предлагаю уже выигранную средних размеров змею в розовую и черную полосу и тычу пальцем в другую, здоровущую, которую можно обернуть вокруг себя несколько раз. Трофеи достаются победителю.

Принять мою змею работник отказывается и вместо нее протягивает маленькую, в зеленую и черную полосу.

– Чтобы получить большую, надо победить в четырех играх подряд.

В четырех играх! Господи. Каждая игра – пять долларов. Я могла бы купить пять таких игрушек, но смысл не в этом. Настоящий приз – победа.

Из сумочки достаю сотовый. Пропускаю сообщение от Эндрю – «Ты где?» – и проверяю время. В моем распоряжении целый час. Потом надо вернуться в деловой центр, переодеться и подготовиться к папиной пресс-конференции, на которой моя работа – сидеть, улыбаться и «хорошо выглядеть».

Если рассчитать правильно, у мамы просто не хватит времени, чтобы отругать меня за то, что гуляла без Эндрю. Он – друг семьи, на несколько лет старше меня, и мама выбрала его «поняниться» со мной сегодня. То есть я отпущена погулять с таким условием, что прихвачу с собой Эндрю. Но дело-то в том, что он не нравится мне, а я не нравлюсь ему. Так что, когда я повернула направо, он пошел налево, и никто из нас не оглянулся, чтобы проверить, следует ли за ним другой. Может быть, Эндрю заложит меня, скажет, что это я его бросила. А может, и не заложит. Так или иначе, я довольна, что поступила, как поступила.

В любом случае, как ни посмотри, у меня есть время по крайней мере для еще одной игры. Отбрасываю назад волосы и отпускаю соблазнительную ухмылочку, ясно декларирующую мои намерения: я не просто выиграю, но выиграю три раза подряд.

– Ну, ребята, хотите сыграть еще?

«Вам ведь не хочется уходить побитыми».

Судя по их физиономиям, я все просчитала правильно. Девушки, с которыми я бы с удовольствием подружилась, только смеются.

– Я сыграю. – Голосок принадлежит ребенку, и моя улыбка тает. Длинные непослушные завитки над круглым детским личиком. Девчушка привстает на цыпочки, протягивает деньги работнику, и он принимает их, даже не взглянув на нее второй раз. – Сейчас я точно выиграю. Должна. Папа говорит, что это мой последний шанс.

Упомянутый выше папа вручает работнику еще пять долларов, берет для дочери молоточек и, как нож в сердце, бросает в меня умоляющий взгляд. Хочет, чтобы дочка выиграла. Ему это нужно. И еще он хочет, чтобы я помогла ей.

Терпеть не могу, когда меня подталкивают, но ведь если я и проиграю, то пятилетней малышке.

– Будешь играть? – спрашивает меня работник аттракциона. Такая уж у него работа – зарабатывать.

Я уже собираюсь отказаться, но... Когда-то и мне было пять, и мой папа сделал для меня то же самое. Передаю свою пятерку и свысока, как принцесса, оглядываю парней.

Для игры требуется четверо, и, чтобы девчушка выиграла, мне нужно, чтобы один проиграл. Они переглядываются, ждут, им интересно, кто же покажет себя мужчиной.

– Проиграть ребенку не зазорно, – говорю я. – И по самолюбию бьет не так уж сильно.

Парень из группы, до сих пор державшийся позади, делает шаг вперед.

– Я сыграю.

В груди у меня волнительный трепет, легкое дрожание невидимых крылышек. Мне хочется, чтобы он посмотрел и на меня, но нет, не смотрит. Отдает работнику аттракциона пятерку и встает рядом со мной.

Вау. А вот это мне определенно нравится.

Он повыше меня. В потертых джинсах и натянутой на широкие плечи белой футболке. И он просто шикарен. Перебрасывает молоток из руки в руку, и мышцы играют так, что я забываю дышать. Волосы светло-русые, на висках короткие, а на макушке подлиннее и в полном беспорядке. Свежевыбритое лицо напоминает мне современную версию Джеймса Дина.

Смотрю и глаз отвести не могу. Он тоже это замечает и поворачивает голову. Мы встречаемся взглядами, и пресловутые бабочки взмывают стайкой ввысь. Теплые карие глаза. Быстро отвожу взгляд, но тут же смотрю украдкой снова и даже улыбаюсь – теперь уже он пожирает меня глазами.

Такое – чтобы кто-то на меня смотрел, а мне это нравилось, – со мной впервые. Впрочем, нет, не кто-то – он. Мне нравится, что он смотрит на меня.

– Дадим ей выиграть, – шепчу одними губами.

Он кивает, и я поднимаю молоток. Я люблю эту игру, люблю выигрывать, и проиграть ради благой цели тоже не прочь, но приходится сдерживаться.

– У тебя хорошо получается, – говорит он.

– Много играю. На каждой ярмарке, на каждом карнавале, всегда, когда только могу. Эта игра – моя любимая. Если бы «Прибей Крота» включили в программу Олимпиады, я бы не один комплект медалей взяла.

Вот если бы этого было достаточно, чтобы родители могли мною гордиться или чтобы этим можно было зарабатывать на жизнь после окончания колледжа.

– Так я, значит, затесался в компанию поклонников «Прибей Крота»? – Смех в его глазах искренний, неподдельный, и я наблюдаю за ним, стараясь понять, знает ли он, кто я такая. Некоторые меня узнают. Другие нет. Я уже научилась распознавать выражение узнавания и вижу, что он понятия не имеет, с кем играет.

Напряжение уходит.

– Точно.

Уголок рта у него поднимается, и я теряю дар речи. Шикарная, роскошная, обаятельнейшая полуулыбка. Он перебирает пальцами рукоятку молотка, и я слежу за каждым его движением.

Под кожей возникает и растёт какая-то фантастическая, невероятная вибрация. Сказать по правде, я не вполне уверена, что разбираюсь в таких делах. Опыт общения с парнями у меня ограничен, но что бы там это ни было, я хочу снова и снова это испытывать, на всех уровнях моего естества.

Звенят колокольчики, сердце подпрыгивает, и я вдыхаю, когда выдавшие виды пластмассовые кроты начинают выскакивать из дырочек. Первая реакция – ну я вас сейчас всех переколочу, но звонкий смех малышки справа заставляет опомниться и сдать назад. Удар. Ещё удар. Надо же что-то выбить. Пусть думает, что мы хотя бы старались.

Стоящий рядом со мной парень поражает нескольких кротов, но в его движениях присутствует ритм. И моя нога сама собой его отбивает. Снова звенят колокольчики, пищит восторженно девчонка, и мои надежды на большую змею тают.

В сумочке чирикает сотовый. Отвечаю на мамину эсэмэску: На аттракционах. Возвращаюсь.

Мама: Поторопись. Думаю, тебе по такому случаю нужно сделать завивку.

Мои волосы, одежда. Для нее это самое главное. Сегодня утром она целый час раздумывала, завить мне волосы или оставить как есть. В итоге сделала выбор в

пользу второго варианта. Еще столько же времени мама решала, что я должна надеть в парк, где меня могут узнать. И, наконец, самое трудное: в чем мне нужно появиться на пресс-конференции. Поиски ответа на этот вопрос отняли у нее дополнительный третий час.

Я поднимаю голову и с разочарованием обнаруживаю, что привлекшего мое внимание парня уже нет. Нет не вообще, а рядом со мной. Теперь он снова со своими приятелями и принадлежит целиком им. Мысленно приказываю ему посмотреть в мою сторону, но это не срабатывает.

Ладно, пусть. Я – просто девушка на ярмарке, а он – просто парень на этой же ярмарке. Не все заканчивается, как хотелось бы. Сказать по правде, если бы он узнал, что представляет собой мой мир, то бежал бы от меня куда глаза глядят.

С другой стороны, мог бы по крайней мере спросить, как меня зовут.

Хендрикс

Холидей шлепает меня по руке, обжигает сердитым взглядом.

– Ты почему не поговорил с ней?

Я гляжу на них – Эксл, Холидей, мой лучший друг Доминик, его младшая сестренка, Келлен. Ну же, кто-нибудь, скажите ей, чтобы отстала, но все, похоже, ждут моего ответа. Даже Эксл смотрит вопросительно, и уж последнее, чего заслуживает мой избалованный женским вниманием братец, это моего объяснения относительно женщин.

Год назад, перед моим арестом, его репутация была не лучше, чем у отца. Минус потомство. Нас в семье трое, и у всех разные матери. Отец не только не знал, как пользоваться презервативом, но и не умел хранить верность одной женщине.

– Я поговорил.

Моя младшая сестра разводит руками и понижает голос, должно быть, подражая мне. Разница только в том, что я не похож на придурка.

– У тебя это хорошо получается. – Она переключается на свой обычный, более высокий тон. – Серьезно? И это все, на что ты способен? Может, пока ты в том центре прохлаждался, у тебя в голове какая-нибудь амеба завелась, которая грызет теперь твой мозг?

Я скрещиваю руки на груди. Может, сестренка в состоянии прочесть это простейшее послание на языке тела.

– Ты еще можешь догнать девчонку и поговорить, – продолжает Холидей, доказывая, что ей наплевать на мою просьбу заткнуться. – Не заставляй меня бежать за ней ради тебя, потому что это неловко. Неловко для тебя, не для меня. Придется сказать, что это ты меня послал, потому что ты – рохля. Слабак. Придется просить ее погулять с тобой, как будто мы какие-то шестиклассники.

Ловлю себя на том, что не отказался бы перенестись в ту глушь, где только деревья, костер, москиты, грязь да медведи. Они хотя бы не болтают без умолку.

– Она не из моей лиги. – Пожалуй, это самое верное, что я когда-либо говорил. Красивая. Собранная. Прохладный ветерок после жаркого ливня. Первый луч солнца в темном лесу. Запах цветущей жимолости. Благодаря ей я даже впервые забыл, кто я такой и где провел весь прошлый год. Так что да, мы из разных миров.

Впрочем, мой арест ничто не изменил. Все в ней – маникюр, дорогая одежда, модная сумочка, манера держаться – говорило о том, что на социальной и экономической лестнице она стоит в сотню раз выше меня, но прежний я такой шанс бы не упустил.

– Ничего подобного, – не унимается Холидей. – Она тебе улыбнулась. Уж я-то знаю. Она посмотрела на тебя и то, что увидела, ей понравилось.

Напряжение крутит мышцы в шее. Да, улыбнулась. Но улыбнулась, не зная, чему улыбается. Снаружи – приятный фасад, но за ним – картонный домик на ненадежном фундаменте.

Эксл обнимает сестру за плечи и отводит в сторонку.

– Давай-ка перекусим. Дриксу скоро снова говорить, и мы же не хотим, чтобы он делал это на пустой желудок. Грохнется в голодный обморок перед телекамерой, и первое впечатление смазано.

Мы действительно этого не хотим?

– Гамбургер? – спрашивает он, направляясь к фудтраку. – Со всем прилагающимся?

Я киваю. Брат знает и мои вкусы, и меня... по крайней мере, того, каким я был.

– А я согласен с Холидей, – раздается грубоватый голос справа от меня. – Досадно.

Я медленно поворачиваю голову в сторону моего лучшего друга и еще медленнее поднимаю бровь.

Он усмехается:

– Мы выбрали игру, дали тебе возможность выиграть, а ты даже не попытался.

Игру они выбрали, потому что я всегда их обыгрывал, и они хотели, чтобы я почувствовал себя прежним Дриksom. Но сейчас я только пожимаю плечами, потому что не знаю, как объяснить.

– С тобой и гулять стало страшновато, – продолжает Доминик. – Будто с ходячим мертвецом. Только и ждешь, что кто-нибудь выскочит с самурайским мечом и вырежет тебе сердце.

– Мозг, – поправляет Келлен, сдвигая шапочку с вышитым Спайдерменом. На улице под сорок градусов, а она не растает с ней, словно температура упала ниже нуля. – Они забирают твой мозг.

– Ну да, и его тоже.

Доминик и Келлен стоят рядом. Брат и сестра, которые и выглядят, и ведут себя по-разному. Общее у них одно: привязанность ко мне и моей семье.

Келлен лишь недавно исполнилось шестнадцать. В нашей компании она младшая. В светлых косичках – черные банты, пару ее любимой черной футболке с Капитаном Америка составляют затасканные рваные джинсы. Видеть ее с блеском на губах и подведенными глазами непривычно и странно. Наверняка это дело рук Холидей, но Келлен хотя бы осталась собой прежней.

Еще в те времена, когда мы, детвора, играли в бейсбол на улице, Келлен запала на героев комиксов. Так ей легче поверить, что жизнь не лишена смысла. Хорошие парни в одном углу. Плохие парни в другом. Вот так Келлен и нашла свой способ выжить.

Есть в ней что-то такое, из-за чего мне хочется оберегать ее и защищать. Может быть, из-за того, как Доминик постоянно заботится о ней. Может быть, из-за ее хромоты – в восемь лет Келлен сломала ногу, и кость плохо срослась. А может быть, потому, что, изображая перед ней героя, я и сам делаюсь лучше.

– Так я ходячий мертвец, потому что не сыграл?

Доминик тычет пальцем в автомат:

– Потому что ты не подцепил девчонку.

Говорить о девушке, которой здесь больше нет, вовсе не обязательно. Да, она мне понравилась. Да, я понравился ей. Меня осудили за преступление, которого я не совершал, и отпустили условно-досрочно. В этом уравнении $A + B \neq C$.

– Ты подключился после того, как мы проиграли. Кстати, сколько потеряли? Три игры, по пять долларов каждая, получается...

– Пятнадцать долларов. – Келлен у нас повернута на математике. Не поймите неправильно, я уважаю ее за это. Но должен признать, этот ее безостановочно тикающий мозг немножко пугает. Такая вот умница – в белом халате, с маниакальным смехом поглаживающая кошку, – и завладеет однажды миром.

– Пятнадцать долларов, – эхом отзывается Доминик. – Да на пятерых.

– Семьдесят пять, – вставляет Келлен.

– Всего семьдесят пять. Только ради того, чтобы ты поиграл.

– Я не говорил, что хочу играть.

– А я хотел выиграть змею. Девчонка ушла с моими призами. Тебя не было год, а теперь ты не можешь помочь брату? Я бы пополнил свою коллекцию.

– Ему нужна розовая, – поясняет Келлен.

– Видишь, теперь мой мир несовершенен.

Доминик ухмыляется, и я невольно отвечаю тем же. Раньше такие вот шутки были делом привычным и естественным, как дыхание; теперь же ухмылка на лице словно чужая.

Если глядя на Келлен у меня возникает желание расчистить путь, то Доминик – это торнадо пятой категории: широкоплечая кирпичная стена. Таким ему и нужно быть, учитывая район, в котором мы росли. Таким ему и нужно быть, потому что дома у него даже хуже, и себя он считает защитником и себя самого, и сестры.

Свидетель одной из многих его боевых историй – глубокий шрам на лбу. Свидетель другой – длинный шрам на руке, оставшийся после хирургической операции в десять лет. У моего друга черные волосы и голубые глаза. Он отличный парень. Такого хорошо иметь рядом в отчаянной ситуации. Внешне Доминик всегда спокоен, но глубоко внутри он – два кусочка урана на траектории столкновения. Настроение переменчивое. Слишком много эмоций и слишком мало места, чтобы спрятать их понадежней. Они тлеют, тлеют, а потом – взрыв. А взрывы Доминик терпеть не может. Как и все, что за ними следует. Но больше всего ему не по нраву тесные пространства.

Он любит гитару и музыку, а еще – судя по тем имейлам и письмам, которые приходили от него, пока я отсутствовал, – меня. Келлен, Доминик и я не просто

друзья. Мы – семья, и ее, моей семьи, мне не хватало.

– Ты нас подвел, – продолжает Доминик. – Нас разгромила какая-то малышка-блондинка. И что хуже всего? Я не стал ее клеить, потому что она тебе улыбнулась, а ты улыбнулся ей, вот я и подумал, что вы уже все решили между собой.

– Ты не стал клеиться к ней, потому что она легко бы тебя отшила одним только «нет», – парировал я. – Девчонка – фейерверк.

Келлен улыбается, Доминик фыркает, а на меня словно скатывается лавина. Пауза. Они ждут, что вот сейчас я заполню ее, потому что так бывало всегда: я объявлял, что у нас дальше. Но сейчас никакого «дальше» у меня нет. Так было бы легче, и мне не нравится, что на этот раз все по-другому.

– Доминик. – Это зовет Эксл от фудтрака. – Подойди, помоги мне. Первой откликается Келлен. Она не ждет брата, потому что знает: куда она, туда и он.

Доминик делает шаг и останавливается. Мы стоим плечом к плечу, но смотрим в разные стороны. Мы впервые наедине с того дня, как меня забрали. Опускаю голову, и два миллиона слов, которые я хотел сказать ему, застревают в горле. Он вздыхает. Наверное, чувствует то же самое.

Что он может сказать? И что я могу сказать в ответ? Сердце бьется быстрее. Он ли там был? И если да, признается ли? А насчет остального? Скажет ли он, как бросил меня в ту ночь? Наберется ли смелости объяснить, как оставил друга в беде? Извинится? И если да, смогу ли я простить? Потому что прощение – не то, что дается мне легко.

Доминик поворачивает голову и смотрит на меня, ждет, что и я посмотрю ему в глаза. Но я не могу. Смотрю вслед идущей по аллее блондинке. Красивая. Наверное, самая красивая девчонка из всех, что разговаривали со мной. Ее улыбка согрела меня, как солнце, у которого я – единственная планета. Завидую ей – похоже, она знает, куда идет, какая у нее цель в жизни. Раньше я никому так не завидовал.

– Ладно, уже иду, – говорит Доминик.

Резкая боль в груди. Я много раз представлял этот момент, разыгрывал разные варианты, но услышать такие слова не ожидал. Никакого извинения за то, что оставил меня в беде. Никакого признания вины. Только обещание.

На последнем сеансе терапии, в лесу, когда мы сидели у разведенного мною костра, консультант спросил, что поможет мне вернуться в реальный мир. Я сказал, что мне нужна правда. Он заметил, что правды не существует, но есть прощение.

Прощение. В моем понимании прощение и правда идут рука об руку.

– Почему ты бросил меня в ту ночь? – спрашиваю я. Спрашиваю, потому что ждал ответа целый год и больше ждать не могу. Не могу, если мы с Домиником хотим оставаться друзьями. – Мы же договаривались, что никогда друг друга не бросим, а ты меня бросил. Почему?

– Думал, что ты ушел домой.

– Не ушел. А ты, признайся, не пытался меня найти. Чтобы ты кинул друга, должно было случиться что-то особенное. Что? – Или он действительно решил, что я ушел от магазина, и воспользовался удобным моментом, чтобы ограбить его самому?

– Доминик! – зовет брата Келлен, пытаюсь удержать купленные напитки. – Требуется помощь!

Да, его сестре требуется помощь, но помощь нужна и мне. Смотрю ему в глаза, и он не может не видеть в них мольбы – «поговори же со мной», – но молчит. Только похлопывает меня по спине и идет помогать сестре.

В тот вечер Доминик привел меня к магазину и предложил его ограбить, но потом исчез, а я отрубился за магазином, на заднем дворе. Напился так, что не смог бы и собственное имя назвать. А он ушел. Бросить, оставить в беде близкого человека было не в его характере, но Доминик отчаянно нуждался в деньгах. Неужели отчаяние так помutilо его рассудок, что он предал меня и нашу дружбу?

В ту ночь и Холидей находилась ближе к месту преступления, чем я мог представить. У обоих была в этом деле своя выгода, оба считали, что им нечего терять, и у каждого был свой мотив.

Но представить Холидей с оружием в руках для меня было почти невозможно. С другой стороны, Доминик мог не только навести на кого-то ствол, но сдуру и выстрелить.

К счастью, в продавца пуля не попала, а иначе мне предъявили бы обвинение не только в вооруженном ограблении, но и в кое-чем похуже. Получил бы за убийство двадцать лет – и вся жизнь под откос.

Уверен ли я на все сто, что стрелял Доминик? Нет. Есть вариант, что в тот вечер моя сестренка не совладала с растрепанными чувствами и подговорила на это дело моего лучшего друга. И все же я на восемьдесят процентов уверен – он был один. И как мне с этим жить?

О том, чтобы сдать его полиции, не могло быть и речи, потому что, как бы все ни обернулось, я люблю Доминика. Он бы за решеткой не выжил. А я выжил. Шевелю плечами, но напряжение в шее не проходит. Как простить того, кто не признает вины? Как можно простить, если не знаешь, кого прощать?

Подходит Эксл.

– Мы нашли столик за каруселью.

Совсем скоро мне предстоит сообщить миру о том, что я – преступник, хотя это не так. Ни закрытое дело, ни правда не будут значить ровным счетом ничего, как только я открою рот перед репортерами. Наверное, консультант был прав насчет правды. Ее просто не существует.

– Мне надо побыть одному. – Есть уже не хочется, аппетит пропал.

– Твоя одежда в машине. Встретимся через полчаса?

– Ага.

Эксл возвращается к семье, а я иду вперед, в том же направлении, что и блондинка. Ее дорожка лучше моей.

Эллисон

Придурок Номер Один и Придурок Номер Два возвратились из небытия и, как и все, что умерло и вновь призвано в мир, типа зомби, возвратились в более гротескном варианте, чем прежде. Тянутся за мной, и при этом Придурок Номер Два сыплет подколками и насмешками. Его реплики одна отвратительнее другой, и моя кровь уже нагрелась до такой точки, что в ней можно плавить сталь.

– Так ты из тех, да? – кричит он. – Из тех, кому надо показывать, что делать? Иди сюда, и я все тебе покажу, что и как.

Они смеются, поздравляют друг друга с очередной достигнутой вершиной остроумия. Кулаки сжимаются сами собой, и я бросаю взгляд через плечо. Придурок Номер Один поглаживает себя по промежности.

– Разве ты не знаешь, что у парня... – Неподалеку звенят колокольчики, и его слова теряются в криках победителей «Прибей Крота», но я читаю по губам, и слезы наворачиваются на глаза. Так бы и шлепнула себя по щеке. Слезы. Так бывает всегда, когда я злюсь, и от этой своей слабости я злюсь еще сильнее.

Тычу пальцем в телефон, набираю сообщение для Эндрю: Где ты?

Эндрю: На центральной. Иду к тебе.

Слезы еще горше оттого, что приходится унижаться и просить помощи у Эндрю, но другого выхода нет. Разве что отчитать парней на глазах у всех. Что-то подсказывает, что еще один фокус с пепси, и они совсем слетят с катушек.

Оглядываюсь по сторонам, выискиваю возможного союзника, но подходящих кандидатов нет, если не считать нескольких мамочек, которые, судя по их возмущенным лицам, расстреляли бы моих преследователей на месте, если бы

только имели разрешение на ношение оружия.

Но у мамочек дети, и их долг – оберегать малышей. Остальные больше посматривают на меня, чем на пару кретинов, и предпочитают помалкивать, следуя принятому обществом неписаному закону: не совать нос в чужие дела.

Варианты действий:

Следовать выбранным курсом, слушать издевательства и насмешки и в конце концов добраться до Эндрю, сохранив достоинство и доказав всем, что я – девушка благоразумная.

Растоптать гордость и предаться бегству на глазах у толпы.

Схватить бейсбольную биту на игровой площадке и ударить по мячу, как учил Генри, в надежде вырубить одного из придурков и проинформировать другого, что я не только знаю, но и могу по буквам продиктовать адрес, по которому ему следует отправиться.

Третий – мой любимый. Заключается он в самой естественной, свойственной моему естеству реакции. Но поддавшись порыву, я бы огорчила всех, за исключением Генри. И прежде всего папу и маму, которым обещала никогда не терять самообладания и не позволять эмоциям выплескиваться наружу в общественных местах.

– Эй, ты! – кричит один из парней. – Давай, я покажу тебе, для чего у девушки рот! Это чтобы...

И снова взрыв смеха и визга со стороны карусели, но я все равно слышу фразу целиком. Подстегиваю себя, хочу прибавить шаг, но ноги как будто врастают в землю. Все вокруг плывет, звуки перемешиваются и чахнут, остается только звон в ушах. Снова слезы жгут глаза, и я зажмуриваюсь. Ну почему, почему они не уходят?

– Ты в порядке? – спрашивает кто-то.

Открываю глаза и опускаю голову. Знаю, слезы уже пролились. Чувствую, как припухли щеки. Делаю глубокий вдох, поднимаю голову, чтобы объяснить, мол, да, в порядке... и замираю.

Ну и ну. Парень, с которым я играла в «Прибей Крота». Вблизи он еще сногшибательнее. Как такое может быть?

– Те ребята, они к тебе пристают?

Морщу лоб. Да, пристают, но сказать ему правду и тем самым пригласить к решению моих проблем... нет, это неправильно.

– Ну, раз уж ты такая разговорчивая, то начну я, – продолжает он. – Если хочешь избавиться от этих парней, то стой здесь и говори со мной, а я буду стоять вот тут и говорить с тобой. Можешь улыбаться, как будто мы знакомы, потому что заставить улыбаться меня довольно трудно, и моя улыбка будет выглядеть фальшивой. А потом попробуем выиграть для тебя мягкую игрушку. Не змею, конечно, но что-нибудь достойное. Эти лузеры решат, что мы друзья, и в конце концов пойдут дальше своей дорогой, вернутся в свое лузерское общежитие и будут до утра развлекаться на пару, потому что они не знают, как следует разговаривать с девушкой.

Моргаю. Все мыслительные процессы странным образом прервались. Может, со мной что-то не так?

– Просто улыбайся. Произнеси несколько слов. Расскажи мне что-нибудь. Стихи читать необязательно. Шевели губами, смотря на меня, и придай лицу осмысленное выражение.

Я снова моргаю несколько раз: все вокруг – люди, звуки, ярмарочные запахи – внезапно оживает, словно кто-то щелкнул кнопкой «play» на моей остановившейся на паузе жизни. Я выдаю отрепетированную до автоматизма белозубую улыбку, возможно, немного потускневшую из-за чрезмерного использования.

– Не представляю, что нужно сделать, чтобы они оставили меня в покое. – Останавливаюсь, и горечь вытекает из меня вместе с хмурой усмешкой. – Если, конечно, не хвататься за бейсбольную биты. Некоторым определенно следует

запретить обзаводиться потомством.

Правый уголок его рта тянется вверх, и я смотрю ему в глаза.

– Ты же вроде бы сказал, что тебя трудно рассмешить.

– Извращенное чувство юмора. Никогда бы не подумал, что такая девушка, как ты, сумеет меня рассмешить. У тебя это получилось уже дважды. Мой рекорд за последний год.

Злость еще не утихла.

– Такая девушка, как я? – ошетинившись, спрашиваю я.

– Да, такая, до которой мне не дотянуться. Послушай, если хочешь выйти из положения, не обостряя ситуацию, дай мне знать. В противном случае я отступаю в сторону, и поступай как знаешь. Помочь я готов, но махать кулаками не собираюсь. Решай сама, как ты хочешь все это закончить, но если ты за силовой вариант, то это без меня.

Говорит, что не желает драться, но достаточно посмотреть на него один раз, чтобы понять: этот парень уложит любого, не особенно напрягаясь.

Он смотрит на меня, я смотрю на него, и в груди снова что-то дрожит и вибрирует.

– Спасибо за предложение, но о себе я позабочусь сама.

Да, я это могу. Мне бы только бейсбольный мяч, хороший бросок, и вот тогда моя мама заведется всерьез. Я устала от людей вроде тех двух придурков, устала притворяться совершенством и в изнеможении тру глаза.

– Нисколько не сомневаюсь, но не думай, что они отстанут, если ты на нихотреагируешь. И даже если просто пойдешь дальше, они уже не отвяжутся. Это не школьные задиры, которые убегают, стоит только дать им в нос. И делать вид, что их не существует, здесь тоже не сработает. Парни вроде них ловят кайф от твоей злости, балдеют от твоего страха. Можешь мне поверить. Я почти

год провел среди настоящих кретинов.

– А почему ты мне помогаешь?

Он дергает плечом, словно у него нет ответа или ему наплевать, есть ответ или нет, но тем не менее отвечает.

– У меня есть младшая сестра. Ты видела ее сегодня.

Объяснение так себе, но уж какое есть. Он кивает в сторону игрового автомата. Я подхожу и открываю сумочку, словно собираюсь достать деньги, но он качает головой и вытаскивает из кармана свой бумажник.

– Эта за мной.

Злость и раздражение отступают. Своей готовностью заплатить за игру он напоминает старичка-милашку Джеймса Дина.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Но многого не ожидай. Шансов на победу мало.

Мне уже спокойнее, и даже не тянет оглядеться, поискать глазами преследователей. Наверняка они где-то поблизости. Хищники от добычи так легко не отказываются.

– Они справа от нас, – словно в ответ на мои мысли говорит он. – Возле киоска с попкорном. Но ты на них не смотри, не дай им удовольствия думать, будто у них есть над тобой власть.

– Нет у них надо мной никакой власти.

– Хорошо. – Он кладет на прилавок пять долларов. Работник аттракциона долго смотрит на него, потом долго смотрит на меня, будто мы участники некоего древнего научного эксперимента, и наконец кладет на прилавок три мяча.

Мы – разные. Совершенно. Почти противоположности. Общее, насколько я успела заметить, лишь то, что мы примерно одного возраста и оба обуты. У меня сандалии, у него потертые армейские ботинки. На нем мешковатые рваные джинсы и белая футболка, на мне – отглаженные шорты-хаки и обтягивающий голубой топик. Мои сережки с брильянтами и золотой браслет с подвеской-сердечком против его черного ремня с металлическими заклепками и серебряной цепью, удерживающей бумажник в кармане.

Посмотреть со стороны, у меня должно быть больше общего с теми лузерами, но с этим парнем мне легко и приятно.

– Как тебя зовут?

Он бросает мяч, и предсказание сбывается. Бросок невероятной силы и столь же неточный. Мяч глухо ударяет в черную штору и падает на пол.

– Дрикс.

– Дрикс? – повторяю я недоверчиво. Наверняка ослышалась.

– Дрикс. Сокращение от Хендрикс. Как Джими Хендрикс.

– Круто. – И вправду круто.

Жду, что он спросит, как зовут меня, но он спрашивает о другом.

– Ты здесь одна?

Он бросает второй мяч и на этот раз попадает – одна из трех бутылок падает на землю.

– Нет. С родителями. Мы встречаемся в конференц-центре. А ты? Где те ребята, которые были с тобой? Или ты сейчас один здесь?

– Да, но нет. – Дрикс отводит руку назад, бросает мяч, и мое сердце воспаряет с мыслью о победе. Но улетает только одна бутылка, остальные как стояли, так и стоят.

Он поворачивается в мою сторону, но взгляд скользит над моим плечом и прыгает влево. Потом возвращается, останавливается на мне, и Дрикс поднимает брови.

– Вроде бы ушли.

Замечательная новость, но в голове у меня застрял его ответ, «да, но нет». А если честно, я не могу выбросить из головы самого Дрикса. Он – миллион вопросов без единого ответа, и меня просто душит любопытство.

– Родители не слишком рады, что я болтаюсь одна в парке, но кто же мог представить, что все так вот повернется. А всего-то поиграла в «Прибей Крота».

– И побросала мяч.

– И побросала мяч. Какие тут могли быть проблемы?

Действительно, никаких.

– Элли! – Я и рада увидеть Эндрю – привстав на цыпочки, он вертит головой над толпой, – и в то же время разочарована. Не так часто, как хотелось бы, выпадает случай остаться одной. Не так часто удастся исследовать новые места и понаблюдать людей без того, чтобы кто-то вертелся рядом. А уж о том, чтобы познакомиться с таким, как Дрикс, и речи быть не может.

– Элли! – снова зовет Эндрю. Я машу ему, надеясь выиграть несколько секунд, и он машет в ответ, показывая, что мне нужно идти к нему. Меня это вполне устраивает.

– Твой друг? – спрашивает Дрикс.

– Да, но нет, – отвечаю я его же фразой. Эндрю на несколько лет старше, и он скорее друг семьи, чем лично мой. Родители считают, что без няньки мне не обойтись, но не объяснять же это Дриксу.

Губы у Дрикса растягиваются. Уголки моих тоже ползут вверх.

– Ты улыбнулся уже в третий раз. Достижение, достойное Книги рекордов Гиннеса.

– Мне понравился твой ответ.

– Просто я креативная.

Он хмыкает, и этот звук нравится мне даже больше, чем его улыбка. Поддаю ногой камешек и, набравшись смелости, встречаю его взгляд.

– Спасибо за помощь.

– Без проблем.

Жду. Времени у меня немного. Ну спроси же, спроси, как меня зовут. Спроси номер телефона. Я назову и то и другое – секундное дело.

– Мне пора.

– Приятно было познакомиться, – говорит он голосом, словно созданным нарочно, чтобы пленять с изощренной жестокостью невинные сердца.

Адреналин несется по венам, потому что если я сделаю это и нарвусь на отказ, то можно будет вытатуировать на лбу большое жирное «Л» и умереть от унижения.

– Если хочешь, я дам тебе мой номер, или ты можешь дать свой... если хочешь. Вдруг поболтать захочется или... погулять. Меня, между прочим, зовут Элли.

Дрикс трет затылок, как будто я поставила его в неловкое положение, и я действительно начинаю подумывать о том, чтобы отползти в сторонку и умереть. Меня отвергли.

– Слушай... – Он колеблется, и меня вдруг охватывает какая-то болезненная, до тошноты, горячка. – Я серьезно говорил. Ты не в моей лиге. И ты, чего доброго, можешь решить, что я хороший парень лишь на том основании, что я пришел тебе на выручку.

А еще потому, что он потратился, чтобы дать ребенку выиграть, но эй... кто тут ведет счет?

Я. Я веду счет.

– Меня год не было дома, я только что вернулся, и мои интересы ограничиваются дружбой. Не хочу, чтобы ты думала, будто я только ради твоего номера вмешался. Все не так. Я потому вмешался, что не все парни такие вот придурки.

Сердце тает уже не только от голоса, но и от слов, и надо же – ему не нужен мой номер. С другой стороны, все могло быть хуже.

– Идем, Элли, – сложив ладони рупором, зовет Эндрю.

Время утекает тоненькой струйкой в песочных часах.

– Ладно... – Я пытаюсь с честью выйти из положения. – Спасибо, что помог... в обоих случаях.

Дрикс наклоняет голову, и глаза его теплеют, взгляд смягчается, а я уже готова растечься лужицей по земле.

– Всегда пожалуйста.

Ну почему в мире не миллион таких парней? Вот хороший пункт для папиной политической программы: воспитать больше джентльменов.

Дрикс поворачивается и уходит. А я стою на месте, словно вросла ногами в землю, потому что это не может вот так вот кончиться. Некоторые ждут такого момента всю жизнь, и я хочу растянуть его еще немного.

На этот раз он хотя бы оглядывается через плечо. Я улыбаюсь. Он улыбается. Эта улыбка у него уже четвертая. Наверное, такой у меня талант. Вдыхаю и тоже ухожу.

– Позволь убедиться, что я все правильно поняла. – Синтия наклоняется вперед, кладет локти на стол, и на лице у нее появляется то мечтательно-романтическое выражение, из-за которого и в беде оказаться недолго. На приманку мой брат пока что не ведется, но это только пока. Если Эксл спутается с женщиной, которая участвует в решении моего будущего, ничего хорошего мне это не сулит.

– Итак, ты берешь под опеку не только Хендрикса, но и младшую сестру?

Эксл сидит на складном стуле и, как только она подвигается к нему еще ближе, подтягивает ноги. Десять минут назад, когда мы пришли на пресс-конференцию, она представилась моим куратором. На ней короткое розовое платье, черные брюки и блейзер, и выглядит она отлично. Хотя до Эльль ей далеко. Да и по части харизмы тоже недотягивает.

Губы сами по себе растягиваются в улыбке, когда я вспоминаю ее предложение отключить тех парней бейсбольной битой. У нее даже глаза вспыхнули. Мне тогда так захотелось это увидеть, что я даже отступил на шаг.

Должен признаться, девчонка нагнала на меня страху. Глаза у нее такие отчаянно голубые, что даже страшно становится. Глаза, заставляющие мое сердце биться как сумасшедшее. Глаза, которые как будто смотрят мне прямо под кожу, которые как будто видят каждое мое несовершенство, каждую трещинку, каждую тень. Глаза, которые напоминают, что я, оказывается, жив. Но и глаза, от которых хочется спрятаться.

Таких девушек – одна на миллион. Шансы встретить такую еще меньше. Еще одна «галочка» в списке потерь.

Синтия громко, слишком громко, смеется, и мы с братом коротко переглядываемся – что за черт? – потому что реплика Эксла насчет того, что он чувствует себя слишком молодым, чтобы быть отцом, забавной не была.

Я поправляю воротник – пятый раз после того, как надел белую рубашку, черные брюки со стрелками и галстук. В помещении жарко и душно, воротник

сдавливает горло, и я чувствую, что задыхаюсь. В конференц-зале установлены кондиционеры, но и они не справляются с жаром тел тысячи собравшихся.

Мы сидим за столом возле центральной сцены. Когда мы с Экслем пришли, в зале отбивала чечетку группа детишек. Потом они ушли вместе с родителями, и теперь репортеры с фотокамерами готовятся к пресс-конференции. Чувство такое, будто время набирает ход, тогда как мой мозг понемногу тормозит.

– Да. – Эксл возвращается к прерванному разговору. – Холидей и Дрикса.

– Ты такой заботливый. – Синтия накручивает на палец черный локон. Она примерно одного возраста с Экслем, и я не знаю, стоит ли беспокоиться из-за того, насколько неопытной она выглядит для своей работы. Флиртовать со старшим братом подопечного... По-моему, этот пункт должен быть в верхней части того раздела служебного руководства, который называется «Этого Делать Нельзя». – Немногие в наше время посвящают так много времени своей семье.

С этим не поспоришь, но я все равно предпочел бы, чтобы она оставила нас в покое.

– А твоя подружка не возражает?

Эксл подается назад, и стул под ним скрипит.

– У меня ее нет.

– Не знала. Извини. – Сочувствия в ее голосе не слышно. Она записывает что-то в блокнот. – Я знаю, ты сказал, что на вашего отца рассчитывать не приходится. А как насчет матери Хендрикса?

– Они оба передали права на опеку мне, – говорит Эксл.

– Знаю, но неужели они оба не у дел?

– По закону, да. – Я украдкой смотрю на брата. Ни об отце, ни о моей матери мы еще не говорили. О матери я не слышал с того времени, как оказался за решеткой. Скорее всего, заливает свои проблемы спиртным. Так было до того,

как я переехал к ней, и так продолжалось, пока я жил у нее. С тех пор вряд ли что-то изменилось. А для отца мы – Эксл, Холидей и я – всегда были не больше, чем игрушками, о которых он вспоминал, когда ему становилось скучно и одиноко.

– По закону? – Синтия вскидывает бровь.

– С ними проблем не будет.

Ответ ее устраивает, и она обращается ко мне:

– Пройдемся еще разок по тому, что ты собираешься сказать?

Такого желания у меня и в первый раз не было.

– Нет.

Телефон у Синтии вибрирует. Она проверяет сообщение и с прищуром смотрит на меня.

– Ты скажешь то, что написано на том листке. Можешь просто зачитать. Заучивать наизусть необязательно, от тебя это и не требуется. Потом, у меня есть два репортера, которые согласились задать мои вопросы. Я подготовила и напечатала для тебя ответы. Вот их нужно выучить наизусть. Не хочу, чтобы ты отвечал по бумажке.

– И всех это устраивает? – хмурится Эксл.

Она равнодушно отмахивается:

– Мы не часто так поступаем, но с губернаторской программой все должно быть ясно и понятно. Хендриксу всего лишь семнадцать, и два репортера согласились не ставить его в неловкое положение и задать вопросы попроще. И, да, Эксл, не забудьте дать мне номер сотового брата.

– У меня нет сотового, – говорю я.

– Знаю. – Синтия поворачивается к Экслу и хлопает ресницами. – Дашь мне номер, как только у него появится телефон. Мне нужно быть на связи с Хендриком, сообщать ему наши планы. А пока буду звонить тебе. И Хендрикс?

Телефон у Эксла гудит, и по его лицу пробегает тень.

– Что случилось? – негромко спрашиваю я. Синтия рядом, и она тоже слышит, но этот разговор ее не касается.

Эксл подталкивает телефон в мою сторону. Сообщение от Доминика: «Дружок Холидей объявился».

Фантастика. Вот уж кого не приглашали.

– Иди.

– Дрикс... – начинает Эксл, но я качаю головой.

– Иди. Я в порядке. – Моя сестра гораздо важнее того, что здесь происходит.

Синтия надувает недовольно губы и делает грустные глазки, когда Эксл прощается. Смотрит ему вслед, а потом, повернувшись ко мне, хихикает, хотя никто никакой шутки не отпустил. Выглядит это все неестественно и наигранно, так что мне немного не по себе. Барабаню пальцами по столу.

– Знаете, Маркус лучше бы подошел для вашего плана. Настоящий лидер. – Не знаю, зачем я это говорю, но что есть, то есть. Весь трудный прошлый год мы с Маркусом были лучшими друзьями.

Синтия смотрит на меня с интересом, как будто шокированная тем, что я в состоянии добавить к разговору что-то разумное.

– Кандидатур было две, ты и Маркус, но губернатор и его команда решили, что ты подходишь больше.

– Он был настоящим лидером.

– Ты тоже стал таким.

– Только потому, что он подтолкнул меня стать лучше.

Она задумчиво вертит сотовый в руке:

– Твоя домашняя жизнь, та, к которой ты вернулся, более стабильная. Вот почему мы считаем, что у тебя больше шансов успешно вернуться в общество. Это, конечно, не значит, что у Маркуса не получится, но его дорога к успеху тяжелее.

– А вы имеете право это мне говорить? – Я спрашиваю лишь для того, чтобы позлить ее, как она злит меня. – Не нарушаете конфиденциальность?

– Я не говорю тебе ничего такого, чего бы ты уже не знал.

Верно. Сдружились мы крепко, и руководители программы знали об этом и даже несколько раз высказывались на этот счет не самым лестным образом. Думаю о Маркусе и, как всегда, ощущаю непонятное беспокойство. После освобождения я о нем не слышал. Да, конечно, времени прошло немного, но учитывая, что прежде мы разговаривали каждый день, сейчас мне его не хватает.

– Так вот, я разговаривала с твоим психологом, и он сказал, что ты хотел бы участвовать в программе молодых исполнителей, учрежденной средней школой Хендерсона, занятия в которой стали бы частью твоей стратегии возвращения к нормальной жизни.

Как ни странно, появление дружка Холидей сыграло мне на руку: я никогда не говорил Экслу о своих планах участвовать в программе молодых исполнителей и даже не намекал, что вообще подумываю о поступлении в колледж. До ареста моя жизнь помещалась в промежуток от одного пьяного отупения к другому. Никакого будущего. Простое убивание времени. Следование велению эмоций.

– Ты ведь знаешь, что это частная школа?

Я киваю.

– Надеешься на стипендию?

Снова киваю.

– Руководители программы обещали помогать всем, чем только возможно, для достижения ваших будущих целей. Насколько мне известно, был разговор о содействии прохождению твоего заявления, но после большого обсуждения в офисе губернатора посчитали, что этот вариант не лучший. Отбор в программу исполнителей крайне жесткий, конкуренция на стипендиальные места чрезвычайно высока. Особенно среди тех, кто не окончил среднюю школу. Нашим вмешательством воспользовались бы критики «Второго шанса». Оно также подало бы неверный сигнал родителям и учащимся, по праву претендующим на эти места. Поэтому мы рекомендуем тебе действовать самостоятельно. Если получишь и место в программе, и стипендию, разве не приятно будет сознавать, что ты сделал все сам?

Синтия улыбается. Большие белые зубы и красная губная помада. На душе мрачнеет – а я-то, оказывается, надеялся. Действуй самостоятельно. Как будто так бывает. Интересно, они поспешат избавиться от меня, когда увидят мои низкие оценки или когда прочтут мое сочинение о том, что я делал на летних каникулах в центре содержания несовершеннолетних правонарушителей?

– Я согласился быть вашим идеальным мальчиком с картинки, а вы согласились организовать мне прослушивание. – Пройти прослушивание я могу и сам. Может, толку от меня и немного, но в музыке я хорош.

Сейчас моя средняя школа – лишь промежуточная ступень, после которой большинство рано или поздно оказываются в центре для несовершеннолетних правонарушителей. Если я хочу добиться в жизни чего-то большего, пора начинать шевелиться по-настоящему. До ареста единственным хорошим во мне была музыка. И теперь музыка не даст сорваться. Программа юных исполнителей – моя единственная надежда на резюме, которое позволит поступить в колледж.

– Я не просил вас куда-то меня проталкивать. Я только просил устроить мне прослушивание.

– Мы не можем, – резко бросает Синтия и на секунду закрывает глаза, а потом снова изображает притворное радушие и веселость. – И хотели бы помочь, но ты наш образец, реклама программы «Второй шанс». Будем надеяться, скоро весь штат узнает и о тебе, и об успехе губернаторской программы. Но мы не станем делать ничего такого, что вызвало бы критику. Именно поэтому офис губернатора не станет обращаться к кому-то с просьбой о любезности. Информация об этом мгновенно просочится в прессу, а для нас критически важно, как воспримут программу общественность и средства массовой информации. Жаль, но все будет так, как должно быть.

– Думаете, они допустят к прослушиванию несовершеннолетнего правонарушителя?

– Информация о несовершеннолетних правонарушителях у нас закрыта.

– Да, но мои документы будут говорить сами за себя. И как я объясню перерыв в учебе? Частью нашей договоренности было ваше обещание помочь нам всем с планами на будущее. Так что, если в этом цирке я – танцующая обезьянка, то на меня это не распространяется? Тогда в чем моя выгода от выступления здесь?

– Ты сам согласился представлять программу, и твое согласие было частью сделки. Сейчас ты предпочитаешь видеть это в негативном свете. Ты не знаешь и знать не можешь, что из всего этого выйдет, пока не поучаствуешь в программе. Старайся думать позитивно. Если веришь в хорошее, оно и случается.

Я порывисто поднимаюсь, и стул, скрипя, едет по полу.

– Открою вам секрет. В детстве я верил, что если надеяться и сильно хотеть, то и еда появится. Так вот, это не срабатывало. Так что я знаю, что из этого выйдет. У кого нет ничего, того и имеют.

Не лучший тон для разговора с куратором, но пусть уж так, чем обложить ее матерными ругательствами.

Мой психолог говорил так: не можешь справиться с эмоциями, выйди из ситуации. И вот я поворачиваюсь и иду к выходу.

– Далеко не уходи, – говорит мне вслед Синтия.

Ей беспокоиться не о чем. Поводок, на котором она меня держит, такой тугой, что дышать трудно, и такой короткий, что я сам удивляюсь, почему еще не распростерся на полу. По крайней мере, теперь я знаю, что и как, и понимаю, что снова оказался среди проигравших.

Эллисон

– Не смей больше тащить животных домой, – заявляет мама перед полным залом народа, и лишь огромным напряжением воли удается сдержаться и не показать, как я оскорблена и унижена ее публичными выговорами. Мы в конференц-зале, и часы отстукивают секунды до начала папиной пресс-конференции. – Пес, которого ты притащила вчера, перевернул вверх дном прачечную. Мало того что повсюду грязь, так он еще и рычал на меня. Как ты могла привести домой что-то опасное?

– На меня он не рычал.

– Он ужасен.

– Малыш потерялся. – Я слышу раздражение в собственном голосе. – Кто-то же должен был ему помочь!

– Кто-то, но не ты! Я говорю совершенно серьезно. Больше никаких животных. Мне надоело приходить домой и думать, не ждет ли меня за дверью какой-нибудь голодный зверь.

Накануне бедняжка свернулся рядом со мной. Я накормила его, вымыла в ванне, еще раз накормила, и он положил голову мне на колени и наконец закрыл глаза. Мне песик понравился с того самого момента, когда его темные, испуганные глазки посмотрели на меня.

– Ты, наверно, сама напугала его, открыв дверь в мою комнату. И без присмотра он оставался не больше трех минут.

– Элли. – Папа произносит мое имя так, словно ставит точку. Он уже выдал мне сотню запретов и наказов: не приносить домой животных, не пререкаться с мамой, не спорить. Делать, что сказано.

– Вы не оставите нас на несколько минут? – Папа обращается ко всем в зале. – Элли, можешь остаться. – Он очень редко просит меня выйти, поскольку родители предпочитают не выпускать меня из виду.

В зеркале встречаюсь взглядом с Эндрю и пытаюсь определить, не выдал ли он. Эндрю двадцать два года, он в нашем штате личность известная, и наши семьи хорошие друзья. Его дедушка – уходящий в отставку сенатор, человек, которого все любят и уважают. Сам Эндрю пользуется большой популярностью, и я понимаю почему. Он не просто шикарный блондин с зелеными глазами и накачанным телом, но и наследник огромного состояния.

Но отношения у нас с Эндрю сложные. Я не только «сестренка-в-нагрузку», но и в тринадцать лет призналась ему в вечной любви. Он рассмеялся, я расплакалась и с тех пор смущаюсь, теряюсь и краснею каждый раз, когда вижу любопытство в его глазах.

Сегодня мне удастся выглядеть абсолютно равнодушной. Весь прошлый год Эндрю учился за границей, в Европе, и эта пауза помогла мне понять, что с его стороны было жестоко смеяться над чувствами тринадцатилетней девушки. В результате я без особенных трудностей и переживаний выкинула его из головы.

Направляясь ко мне, Эндрю самодовольно ухмыляется, и я опускаю глаза и делаю вид, что поправляю платье. Он кладет руку мне на талию и наклоняется. Еще два года назад мое сердце выскочило бы из груди от этого прикосновения и невероятной близости его губ к моим ушам, но сейчас я думаю только о том, что он... болван.

– Не беспокойся, – шепчет Эндрю, – я не сказал.

Мои глаза снова прыгают к зеркалу, а он шевелит бровями. Эндрю по-прежнему находит меня забавной.

– Я так полагаю, ты ждешь, что я поблагодарю тебя.

– Что за сарказм? Тебе же нравилось, когда я состоял при тебе нянькой.

Нянькой. Так бы и врезала. Заглядываю в зеркало, проверяю, заметили ли папа с мамой, что мы разговариваем, и вижу, что мама наблюдает за нами с умилением и восторгом. Если двинуть Эндрю коленом в пах, она вряд ли одобрит такое мое поведение.

– Я – девочка большая, – говорю едва слышно, глядя в пол, – и ты мне больше не нужен.

Он улыбается, сверкая идеальными белоснежными зубами.

– Год меня не было, но ты, наверное, совсем выросла.

– Наверное. И зовут меня теперь Эльль.

Эндрю усмехается и убирает наконец руку.

– До свидания, Эльль.

Поворачиваюсь. Проверяю, не задрался ли сарафан на спине слишком высоко. Он у меня красивый – фиолетовый, облегающий, сшитый из материала, в котором чувствуешь себя словно завернутым в мягкие перья. Вот только летнее, открытое платье не воспринимается всерьез. Оно воспринимается как что-то милое и симпатичное и означает веселье, а следовательно, мне опять придется улыбаться в камеру и молчать.

Мама по-прежнему за мной наблюдает. Ее светлые волосы зачесаны гладко назад и стянуты в узел на затылке. На ней белая блузка и голубая юбка-карандаш. Говорят, мы с ней похожи, но, за исключением цвета глаз и волос, мы совершенно разные. Она – уравновешенная, настоящая леди, сдержанная и невозмутимая, а я... я – другая.

– Ты красивая сегодня, – довольно улыбается мама.

– Спасибо, – машинально, едва заметив, отвечаю я.

Последние три года мама занимается мной: готовит к взрослой жизни, учит, как реагировать на ту или иную ситуацию, как держаться с разными людьми, репортерами, папиными критиками, нынешними и будущими избирателями. Что бы я сделала или не сделала – все так или иначе отражается на моих родителях.

Совершенство. Вот чего мир ожидает от каждого, кто оказывается наверху, и в особенности от наших лидеров. Абсолютно никакого давления.

Кстати, о том, что ошибок здесь не допускается, – в сумочке у меня бумага, на которой не хватает подписи родителей: разрешение на участие в финале отбора учеников для прохождения стажировки.

Успех, по крайней мере по мнению моих родителей в отношении меня, понятие эфемерное. У меня две левых ноги, чувство ритма и координация отсутствуют, а об изяществе и говорить не стоит. Я сообразительная, хорошо учусь в школе, но я не смогу отбарабанить по алфавиту столицы всех государств мира или назвать число «пи» с точностью до шести знаков после запятой. Быть дочерью двух необычных, исключительных людей и не иметь на своем счету сколь-либо заметных успехов в какой-либо области очень непросто. Многие из моих сверстников уже нашли себя и, видя назначенную им судьбой цель, спешат к ней, но мне еще только предстоит определиться с тем, кто я такая и кем мне суждено стать. Но практика должна это изменить – я предчувствую.

Делаю глубокий вдох и натягиваю отрепетированную улыбку. Уже собираюсь повернуться и завладеть их вниманием, но тут мама говорит:

– Эльль, подойди и сядь. Нам нужно поговорить.

В моем плане ничего такого не предусмотрено, и тем не менее я сажусь за столик – в кругу семьи мне уютно и покойно.

Папа в строгой белой рубашке с развязанным галстуком. Официальную одежду он терпеть не может. В джинсах и футболке ему куда удобнее, но граждане не в восторге от политиков, одетых по-простому. Папа говорит, что когда работал врачом, пациенты тоже не приветствовали свободный стиль у медиков.

Что мне в нем нравится, так это то, как он смотрит на маму: словно стопроцентно влюбленный щенок, каким он был, когда они познакомились в колледже.

– Все в порядке? – спрашиваю я. До начала пресс-конференции остается минут десять. Не самое подходящее время для душевных бесед. Папа и мама обмениваются теми особенными взглядами, которые заменяют часы разговоров. Я бы тоже хотела чего-то подобного, но избытком наивности не страдаю и прекрасно понимаю, что такого рода связь случается крайне редко.

– Эллъ. – Мама пододвигается ближе и кладет обе руки на стол. – Генри звонил сегодня твоему отцу.

Я вскидываю голову. Генри и папа не разговаривали два года. Может, холодная война сменилась наконец оттепелью?

– Это хорошо.

– Да, – не совсем уверенно отвечает мама, – это хорошо.

– Вы пригласили его побыть у нас? Знаю, он предпочитает оставаться у бабушки, но, может быть, если вы попросите, провести какое-то время с нами, Генри приедет домой.

По папиному лицу пробегает тень грусти.

– Я просил.

В животе у меня начинает вдруг перекачиваться свинцовый шар. Мне так недостает Генри, да и папа с мамой тоже по нему скучают. После смерти родителей, оставшись один, он жил какое-то время с нами, и мы были с ним как брат с сестрой. Но два года назад папа и Генри ужасно поругались, и Генри ушел. Его комната осталась такой, какой была при нем, словно он просто вышел. Каждые две недели мы вытираем там пыль и пылесосим. Будто в обитаемом склепе.

Мама касается моей руки ухоженными пальцами с безупречным маникюром. Взгляд пробегает по моим ногтям, далеким после посещения аттракционов от идеального состояния. К счастью, она понимает, что мне нужна мать, а не советник по имиджу, и милосердно воздерживается от замечания.

– Он позвонил сам, и это уже позитивный знак.

Надеюсь, что так, потому что я уже устала разрываться между двумя берегами в большом океане. Мы с Генри разговариваем. Я разговариваю с папой и мамой. И только они трое не разговаривают друг с другом.

– Почему он звонил?

– Генри беспокоится за тебя, – отвечает папа. – Считает, что ты несчастна.

Отодвигаюсь от мамы. Генри – предатель.

– Я не несчастна.

– Да, вид у тебя счастливый, – с легкой иронией замечает папа.

Несколько недель назад я позвонила Генри после особенно неприятной благотворительной встречи, а потом, по причине усталости, может быть, и поплакалась кузену. Если бы я знала, что результатом минутной слабости станет вот этот разговор, никогда бы ему не звонила.

– Почему ты не сказала, что подала заявление на участие в Программе Моргана? – спрашивает папа.

Опускаю голову. Генри уже мертвец. Я сама его убью. О стажировке за пределами школы знал только он один. И он настучал на меня моим родителям.

– Это вам Генри сказал?

– Нет. Несколько месяцев назад, когда ты начала готовить заявление, нам позвонили из школы.

Сижу с открытым ртом.

– Так вы знали?

– Да. И мне сообщали из школы о каждом твоём шаге.

Если бы можно было спрятаться в кусочке сахара, я бы так и сделала.

– Почему вы мне не сказали, что знаете?

– А почему ты не сказала нам? – парирует мама.

Возразить нечего.

– Я не знала, доберусь я до финала или нет. – Чего я не хотела на самом деле, так это того, чтобы они узнали об очередной моей неудаче, если такое случится.

– Ты хотя бы представляешь, куда собираешься? – спрашивает мама.

– Во время этой стажировки мы будем учиться компьютерному программированию. Она начнется в колледже и продолжится четыре года. Я – финалистка, и это значит, что в последний год мне нужно будет создать какое-то приложение.

В программу одного из факультативных курсов в мой последний школьный год будет входить независимое создание такого приложения. Ожидается, что я начну работу уже летом. Я умолчала об этом, поскольку не была уверена, что мне удастся совместить разработку приложения с участием в кампании отца.

Мама поджигает губы. Что бы это могло значить?

– Компьютерное программирование? И когда только ты успела этим заинтересоваться?

Пожимаю плечами. Перейдя в старшую школу, я попала в класс, где каждую четверть предлагалось попробовать себя в новой профессии. Одним из

предложений было программирование. Мне понравилось. А еще мне понравился театральный клуб и многое-многое другое, так что поначалу я и не задумывалась о чем-то конкретном, но...

– Всерьез я обратила внимание на программирование, когда в утренних школьных новостях увидела объявление о стажировке. Меня как будто встряхнуло, и я сказала себе: а почему бы нет?

– А почему бы нет, – повторяет мама медленно, будто слышит эти слова впервые.

– А почему бы и нет, – снова говорю и мысленно добавляю: «Почему не я?»

– Эллъ. – Мама трогает горло, ищет золотой медальон с фотографиями – моей и Генри. – Ты обещала помочь отцу с кампанией. Фактически мы платим тебе за помощь. Этим летом у тебя напряженный график публичных мероприятий. А потом еще благотворительные встречи и...

Отодвигаюсь еще дальше:

– Я могу это все успеть.

– Ты действительно полагаешь, что сумеешь завершить работу над приложением и у тебя еще останется время? – спрашивает папа.

– Да.

Он качает головой, как будто я объявила о намерении в одиночку совершить полет на Луну.

– Твой школьный консультант объяснил, что последняя ступень стажировки требует таких же усилий, как и работа по совместительству. И как ты намереваешься участвовать в кампании, которая требует разъездов, заниматься в школе так, чтобы оценки осенью не пошли вниз, и доводить до ума проект с приложением? Извини, но это невозможно.

Папа не в состоянии охватить взглядом всю картину. Заключительный этап стажировки состоит в том, чтобы создать приложение с нуля. На основе моей

собственной идеи. И ответственность за приложение, от концепции до производства, тоже лежит на мне.

– Работа над приложением будет зачтена осенью как отдельный курс, и у меня для этого есть целое лето.

– Двадцать часов в неделю. Это минимум для работы над программой. Так сказал консультант. Вычти время работы в школе – на дом останется часов пятнадцать. Извини, но я не понимаю, как ты сможешь заниматься программой и выполнять обязательства, которые взяла на себя передо мной и мамой.

Уголки рта ползут вниз.

– То есть ты хочешь сказать, что подавать заявление на стажировку не следовало?

Мама катает медальон по золотой цепочке.

– Мы хотим сказать, что шесть месяцев – это все, на что тебя хватает. Ты начинаешь что-то новое, потом устаешь и в результате оставляешь, не закончив. Тебя увлекает погоня за новым и блестящим – это особенность твоей натуры.

– В этот раз все не так. – Да и не только в этот. Меня переполняет обида. Я опускаю голову. Дело не в том, что я устаю от того, за что берусь, чем увлекаюсь; дело в папе и маме, которые сразу же начинают ожидать от меня каких-то особенных, выдающихся результатов. И когда мне не удастся стать звездой в новом деле, когда первые места достаются другим, это рассматривается как провал, едва ли не катастрофа.

– Эльль. – Папа хочет, чтобы я посмотрела на него, а я не могу. Стол – единственное, глядя на что не возникает ощущения гибели всего мира. Если я посмотрю на папу, от моей гордости не останется вообще ничего, а вернуть уверенность в себе не так-то просто.

– Эльль, – уже строже, приказным тоном повторяет папа. – У меня пресс-конференция. Если не хочешь присутствовать, я пойму, но мне нужно закончить этот разговор здесь и сейчас. Ты – моя дочь, я люблю тебя и буду горд, если ты

выйдешь на сцену вместе со мной.

Я бросаю на него быстрый взгляд, потому что хочу, чтобы он гордился мною и хотел быть со мной рядом.

– Мы верим в тебя, – говорит он. – Но ты не до конца понимаешь, какую ответственность берешь на себя. Мы с твоей мамой это понимаем и знаем, чего может стоить успех.

Папа рос в бедной семье, жившей на государственное пособие. А вот у мамы все было наоборот, и она росла в роскоши, но ее отец был человеком эмоционально и физически жестоким. Жизнь не гладила их по головке, и им пришлось многое испытать и через многое пройти, чтобы выбраться из детства живыми.

– Мы все постигали на собственном опыте, и нам никто не помогал. Теперь мы с твоей матерью пытаемся поделиться с тобой теми преимуществами, которыми овладели сами. Мы пытаемся удержать тебя на более легкой дороге, дать тебе то, чего не было у нас. Доверяй решениям, которые мы принимаем ради тебя. К тому же я не знаю, как бы на меня смотрели, если бы ты победила, а потом отказалась от этой стажировки. В нашем штате эта компания – большая корпорация. В случае победы ты привлекла бы к себе внимание. Мы оба, ты и я, выглядели бы не лучшим образом, если бы ты не довела дело до конца, как уже случилось с тобой не раз.

Он и верит в меня, и не верит. Не знаю, как это получилось, но в ходе разговора с ним я и сама начинаю в себе сомневаться.

– Вот что я тебе скажу. – Лицо его светлеет, как будто меня не порвали только что на куски. – Давай отложим стажировку, переживем лето и, если твой интерес к программированию не угаснет и мы увидим перемены в твоём понимании ответственности, то разрешим тебе взять осенью курс программирования. Но и ты должна выложиться летом на сто процентов. Согласна?

Папа улыбается той особенной улыбкой, которую приберегает для меня и пускает в ход, когда гордится мной. Потом смотрит на часы, поднимается, целует меня в лоб и говорит, что дает мне еще несколько минут, чтобы собраться, прийти в себя и вместе с ним выйти на пресс-конференцию.

Дверь открывается и закрывается. Я снова упираюсь взглядом в стол. Он белый, с парой пятен от кофейных чашек и не демонстрирует намерений сокрушить мои мечты.

– Мы делаем это не для того, чтобы обидеть тебя. – Голос у мамы мягкий и заботливый. Если бы мы разговаривали дома, то лежали бы сейчас на моей кровати и она поглаживала бы мои волосы. Столь часто эта сцена разыгрывалась между нами, что я стала бы миллионершей, если бы получала по пенни за каждую. – Мы лишь хотим помочь тебе.

Я втягиваю воздух и медленно выдыхаю. Вот и хорошая новость – грудь уже болит меньше, а значит, рану, нанесенную этим разговором, удастся пережить.

– Большинство твоих сверстников уже определили для себя цель, – продолжает мама, а мне так хочется, чтобы она замолчала. Знают ли родители моих одноклассников, когда нужно остановиться? Понимают ли, что иногда «меньше» означает «больше»?

– Спорт, учебные дисциплины, хобби... Мы столь многое с тобой перепробовали: танцы, театральные кружки, игру на музыкальных инструментах. Мы дали тебе миллион возможностей найти себя, сосредоточиться на чем-то, но у тебя не получалось.

– Программирование – это совсем другое. Когда я занимаюсь им, у меня даже кровь бежит быстрее.

Мама собирает лежащие перед ней бумаги и кладет их в папку, но делает это так медленно, что становится ясно: она обдумывает, что еще сказать.

– Мы слышали это и раньше, и если бы не проявили настойчивости в вопросе твоей помощи с кампанией, ты заканчивала бы следующий год с рекомендацией, в которой говорилось бы, что ты безответственна и не способна сосредоточиться. Неужели ты действительно не понимаешь? Одна из причин твоего участия в кампании – наше желание дать тебе возможность показать себя деятельной, энергичной и целеустремленной. Занимая постоянное место в предвыборном штабе, ты формируешь образ решительной юной леди, готовой покорять мир, а не подростка, который понятия не имеет, чего хочет в жизни.

Да, твой отец мог бы открывать для тебя любые двери, но мы желаем не этого. Разве ты не хочешь быть леди, которая сама открывает себе двери?

Я киваю, потому что никогда не хотела двигаться вперед с опорой на отца.

– Жизнь жестока. Сурова. Не печалься из-за того, что твои папа и мама стараются помочь тебе обойти стороной дороги, где тебя ждет боль. Ты хотя бы представляешь, как я хотела, чтобы у меня был родитель, который участвовал бы в моей жизни, поддерживал меня? Ты представляешь, как хотел бы твой отец иметь такие же возможности, как и у тебя? Мы стремимся помочь тебе, а не сделать больно.

Боль. Это они оба понимали. Моя мама имела все, о чем могла только желать, но ее отец был чудовищем, а папин отец умер очень рано. У папы была чудесная мать, но он лучше многих знал, что такое голод. Моя бабушка владела землей, но фермерство не всегда бывает прибыльным, а она упрямо отказывалась продавать землю.

Чувство вины обрушивается вдруг на меня.

– Мне следовало сказать вам насчет стажировки.

Мама поднимается, берет меня за подбородок и заставляет посмотреть ей в глаза.

– Я люблю тебя, и мне не нравится, что приходится быть с тобой резкой, но несколько следующих месяцев будут решающими для нас с твоим отцом. Мы нуждаемся в тебе. Я все больше склоняюсь к тому, что если бы мы с твоим отцом были так же откровенны с Генри, как сегодня с тобой, он остался бы членом нашей семьи. Генри совершил ужасные ошибки, и я не хочу, чтобы ты повторила их. Я знаю, что такое настоящая боль, и все, что говорю и делаю, имеет целью не дать тебе испытать ее.

– Генри счастлив, – шепчу я.

Мама смотрит на меня с невыразимой печалью.

– Генри сожалеет о сделанном им выборе, но слишком горд, чтобы признать, что нуждается в нашей помощи. Я начинаю думать, уж не пытается ли он настроить тебя против нас, чтобы оправдать собственные неудачи. Знаю, ты любишь его, и я никогда не скажу, чтобы ты держалась от него подальше, но прошу – будь осторожна. Не дай ему поссорить тебя с нами.

Вот это и называется перетягивание каната. Мама и папа с одной стороны, Генри – с другой. Я помню, как отдалился Генри перед отъездом. Он не бывал у нас. Постоянно злился. Был мрачен. Как будто в его тело вселился чужак, пришелец.

– И что же Генри натворил?

– Он не хотел, чтобы ты знала, а мы обещали не говорить. Рано или поздно он вернется, и мы хотим сдержать обещание. Просто прими это как урок и слушай нас. Генри не слушал и попал в неприятности. Ты думаешь, что знаешь, чего хочешь, но это не так. Поверь мне – ты не знаешь. Семнадцать – это такой юный возраст. Позволь нам принимать за тебя решения. Потом у тебя будет вся взрослая жизнь, чтобы поступать так, как ты пожелаешь. Но те решения, которые ты принимаешь сейчас, слишком важны, а их последствия, если ты ошибешься, могут быть слишком опасны.

Учитывая, сколько всего сделали для меня родители, сколько жертв они принесли, как настрадались в детстве, мне остается только слушаться. Мамины синяки, папина развалившаяся ферма, но тем не менее они оба выбрались из бедности на свет, к успеху.

Я киваю. Мама целует меня в щеку и уходит. У меня есть три минуты, после чего я выйду на публику и сделаю вид, что все хорошо, что последние минуты меня не сломали. Сосредоточиться. Мама говорит, что у меня это не получается, но я намерена доказать обратное. Несколько ближайших месяцев я буду идеальной. Я докажу им, как сильно меня заинтересовало программирование и что я умею сосредотачиваться. Покажу, что способна быть ответственной. Я сделаю все и даже больше.

А пока придется еще раз солгать.

Мир словно прячется за туманной дымкой. Я пересекаю комнату и достаю из сумки письмо. Оно сразу отправится в компанию, а значит, мой консультант не узнает ни о чем до осени, а папа лишится «крота».

Когда занятия возобновятся, рассказать родителям все же придется, но до того у меня есть три месяца, чтобы написать как можно больше. Надеюсь, это получится. А потом я так углублюсь в проект, что им останется только диву даваться, как это я сумела сбалансировать график так, чтобы успевать повсюду: участвовать в кампании, присутствовать на благотворительных мероприятиях и писать программу. И вот тогда им не останется ничего, как только подписать разрешение.

И к концу всего этого родители увидят, как я преуспела.

Хендрикс

– Стой здесь. – У Синтии, как выясняется, есть помощница-практикантка. Это студентка колледжа, и она указывает на меня так, словно я – шестилетний мальчонка с синдромом дефицита внимания. – На этом самом месте. Стой и жди, пока губернатор позовет тебя на сцену.

Перед сценой конференц-зала уже расположились в несколько рядов телевизионные камеры. За камерами и вокруг них какие-то люди. Среди собравшихся есть как те, кто планировал прийти и послушать губернатора, так и те, кто заглянул сюда, устав от изнуряющей жары снаружи. Есть и такие, кому просто интересно понаблюдать за всем этим цирком.

Всяк и каждый приходи. Посмотреть, как улыбается и лжет политикан. А потом увидишь бедолагу-парня, кающегося в преступлении, которого не совершал. Увидишь, как он при этом вытаскивает слона из задницы.

– На сцене губернатор поздоровается с тобой за руку, – инструктирует меня Синтия, не удосуживаясь даже оторваться от сотового. Эксла рядом нет, и ее сладкий голосок куда-то подевался. – Потом повернешься к микрофону. Листок с твоим текстом уже будет там. Зачитаешь его, я выберу репортеров, ты ответишь

на вопросы и, когда закончишь, посмотри на меня. Я подам знак, когда тебе нужно сойти со сцены. Пойдешь в заднюю комнату и подождешь там, пока я тебя не отпущу.

Мое внимание цепляется за последние слова.

– Зачем мне идти в заднюю комнату?

– На тот случай, если какому-то репортеру захочется поговорить с тобой. Разговаривать будешь только с теми, с кем я разрешу. Если подойдет кто-то без моего согласия, направляй для начала ко мне и сразу же со мной связывайся. Понятно?

Вот и еще один замочек защелкнулся у меня на шее.

– Понятно.

В зале слышатся аплодисменты – какой-то мужчина в костюме медленно пробирается к сцене, по пути пожимая протянутые руки. Губернатор штата, Роберт Монро. Я вижу его впервые и чувствую себя немного странно, ведь именно предложенная им программа и дала мне шанс избежать худшего.

Губернатор с женой проходят мимо. На меня – ноль внимания, как будто такой, как я, не достоин и секунды их времени. Пара поднимается по ступенькам на сцену, где их уже ждут другие люди в костюмах.

– Телевизионщики и пресса ее обожают, – говорит Синтия.

– Кого? – Практикантка привстает на цыпочках, пытаюсь окинуть взглядом толпу, которая уже переключилась на кого-то еще, следующего за губернаторской четой.

– Губернаторскую дочку.

Дочка. Я о ней слышал. Как, наверное, едва ли не все. Холидей говорит о ней постоянно. Какая красивая, с каким достоинством держится и всегда модно одета. Признаюсь, я особенно и не слушал. Мне сейчас не до чужой жизни.

Губернатор снова проходит мимо, мужественно погружается в толпу собравшихся, а когда выныривает, мое сердце останавливается. Рядом с Робертом Монро, держась за его руку, она. Светлые волосы и нагоняющие страх голубые глаза. Элли.

Мир уходит на второй план.

В эту минуту я готов задушить сестренку, если она знала, что Элли – дочь губернатора, и не сказала ни слова. Чтоб ее. Получается, я флиртовал с губернаторской дочкой. Тру ладонью щеку.

Человек, на которого я должен произвести впечатление, чтобы не попасть в тюрьму. Человек, который одним лишь словом, брошенным сотруднику службы пробации, может отправить меня за решетку. Этот человек – губернатор. А я флиртовал с его дочерью. Помог ей, а потом ей же отказал. Облажался по полной. Упустил удачу.

– Эллисон, – окликает ее какой-то репортер. Она поворачивает голову и улыбается. И все – газетчики, телевизионщики, зеваки – видят то же, что вижу я: образец чистой красоты.

Элли оглядывается, и в какой-то момент улыбка сменяется удивлением. Впрочем, она тут же возвращается. Милая улыбка на роскошных губах, но все-таки не та, из-за которой я почувствовал себя словно летящий на огонь мотылек. Тогда, когда я вызвал смех Элли, на ее лице расцвела улыбка, которая обожгла меня и навечно врезалась в память.

Отважная Элли. По крайней мере, проходя мимо, ей достает смелости вызывающе вскинуть бровь. Вроде как спрашивает, что я тут делаю. Я и сам вот уже год задаюсь тем же вопросом. Она поднимается по ступенькам на сцену, и внутри у меня все летит вниз.

Несколько секунд я был для нее героем. Хотел ли я помочь Элли? Да. Но и себе тоже. Потому что я самлюбив. И прежде чем объявлять миру, что я грабитель и злодей, мне нужно было удостовериться, что хотя бы кто-то видит во мне что-то хорошее.

И вот теперь у меня ничего нет.

Отец ведет Элля к центру сцены, и камеры нацеливаются на них, на нее. Она стоически держит улыбку. Рука свилась в изгибе отцовского локтя. Губернатор наклоняется, шепчет что-то, и... вот она, та самая улыбка! Улыбка, от которой вспыхивают и искрятся пугающие до дрожи голубые глаза.

Он накрывает ее руку своей, и она, привстав, целует его в щеку. Щелкают фотоаппараты, вспыхивает море сотовых, регистрирующих каждое мгновение. Бросив последний взгляд на аудиторию, Элля проскальзывает к задней части сцены, где стоит ее мать. Губернатор что-то говорит, но я не смотрю на него, я не спускаю глаз с нее, мысленно умоляя еще раз посмотреть в моем направлении.

Передо мной, закрывая Элля, встает Синтия.

– Готов?

В вены с шумом закачивается адреналин, я шарю глазами по сторонам, ищу выход. Вообще-то, клаустрофобией у нас страдает Доминик, но после возвращения домой ее, похоже, подхватил и я. Меня переполняет неодолимое желание вырваться отсюда, сбросить цепи, вдохнуть полной грудью. Но если Доминика удерживают стены, то меня – моя собственная жизнь. Она теснит, давит со всех сторон, и выхода нет.

Голос губернатора доносится из громкоговорителей – он зачитывает цифры статистики, доказывающие, что сбившимся с пути парням вроде меня сумеют помочь такие, как он. И дальше – о борьбе с порочной практикой «школа – тюрьма», о помощи несовершеннолетним, о втором шансе и чистом листе. Сердце стучит в ушах.

– Ты готов? – повторяет Синтия.

Я не готов, но все равно поднимаюсь по ступенькам на сцену.

Кто-то произносит мое имя, Хендрикс Пейдж Пирс, и в зале хлопают. С чего бы это? Не знаю. Та часть меня, та, что упивается наказанием, хочет проверить

реакцию Элла, но я знаю, что увижу разочарование, и никуда не смотрю. Не все стоит испытывать на себе.

Добираюсь до микрофона, и там мы с губернатором обмениваемся рукопожатием. Получается так ловко и гладко, словно мы репетировали этот жест миллион раз. Он накрывает наши руки ладонью, будто ему требуется еще одно подтверждение, что все под контролем. Будто я могу чего-то не знать.

Губернатор наклоняется вперед:

– Представляю, сколько смелости для этого нужно. Слышал о тебе много хорошего. Говорят, ты – лидер. Вот почему мы выбрали тебя для выступления от имени таких же ребят, тех, кому мы намерены помочь.

Лидер. О ком он? О том парне, который нес рюкзаки тех, кто устал физически и обессилел эмоционально? О том, который отдал свои продукты, когда другие пожаловались, что проголодались? О том, кто сидел всю ночь у костра с младшими, которых все еще пугала темнота?

Если да, то это не лидер. Просто хороший старший брат. Губернатор отпускает меня, кивает в сторону микрофона, и вежливые аплодисменты прорывает фирменный, в два пальца, свист Доминика. Он где-то сзади. Рядом с ним Келлен. Заметив, что я смотрю на него, Доминик делает неприличный жест и ухмыляется как псих.

Семья со мной и не дает забыть об этом. Тугие узлы в животе распускаются, и я, осмелев, начинаю читать слова. Слова, не более того. Слова, которые ни к чему не относятся. Слова, которые ничего для меня не значат. Слова, которые ни для кого ничего не будут значить.

– Год назад я совершил ошибку. Ошибку, которая создала угрозу другим людям.

Слова вертятся вокруг преступления, но обходят ключевые детали: магазин, пистолет и украденные деньги.

– Я ступил на дурную дорожку, которая вела к другим, еще большим ошибкам. Ошибкам, которые нельзя, невозможно простить.

Да, я делал ошибки. Я шел по кривой дорожке. Живя у мамы, я сам стал как она. Слишком много думал о себе, воображал, что я близок к богу, хотя голова плыла в тумане. И вот что случается с теми, кто взлетает слишком высоко: они сгорают.

– После ареста я признался, что нарушил закон, и мне дали второй шанс.

Поднимаю голову, отыскиваю глазами Эксла, который стоит сзади, обнимая одной рукой Холидей. Сестра как будто сияет от гордости. Вообще-то, я не тот человек, которым стоит гордиться, но хочу им стать. Хочу быть братом, которого она заслуживает.

– Благодарю губернатора Монро за то, что выбрал меня для этой программы. Участвуя в ней, я узнал, как поверить в себя. Понял, кто я есть и кем был. Осознал, что способен на большее, чем мог себе представить.

Негромкие аплодисменты, и вперед выступает Синтия.

– Пожалуйста, несколько вопросов.

Рук поднимается не две, а больше, и Синтия указывает на какого-то мужчину. Он представляется репортером из Луисвилла.

– Вы можете рассказать, чему именно научились в походе? Что узнали о себе?

Я узнал, что могу быть один, хотя раньше терпеть не мог одиночества. Узнал, что голоса в голове, насмехавшиеся надо мной, когда я бывал нетрезв, не так плохи, как я думал. Что иногда к ним стоит прислушаться. Как в том случае, когда я помог Эль. Поступил достойно.

– Я научился выживать. Научился разводить костер, когда есть только прутики да камень. Если кому-то понадобится огонь после апокалипсиса, обращайтесь ко мне.

Смех в зале. Бросаю взгляд на Синтию. Она одобрительно кивает. Остался один вопрос, и можно сваливать к чертям со сцены.

– Еще вопрос?

Снова взмываются руки, и, прежде чем Синтия успевает кивнуть, какой-то парень, стоящий рядом с камерой, кричит:

– В каком преступлении вас обвинили?

– Не отвечай, – шепчет Синтия и кивает его соседу.

– Пожалуйста, Чарльз, ваш вопрос.

– Это важно, – не унимается первый. – Откуда нам знать, может, его привлекли за переход улицы в неустановленном месте. Обещаниям губернатора хочется верить, и, может быть, программа действительно хороша, но кто докажет, что ее результаты не будут сфальсифицированы?

Я бросаю взгляд на Эксла и вижу, как напрягается его лицо. Мы оба чувствуем: вот она, волна цунами, уже грохочущая вдалеке, готовящаяся подняться и обрушиться на берег, чтобы уничтожить в том числе и меня.

– Что ты совершил? – снова кричит незнакомец.

Синтия поворачивается ко мне, и на ее лице вопрос. И что? Отвечу ли я и тем самым спасу губернаторскую программу?

Чистый лист. Второй шанс. Досье под замком. Какая чушь.

Эллисон

Это катастрофа. Как крушение поезда. Все смотрят, и надо что-то делать, но никто даже с места не трогается. Синтия хочет, чтобы он ответил на вопрос. Также ясно, что Дрикс отвечать не хочет. И я понимаю почему.

– Какая разница, что он сделал? – шепчу я с надеждой, что папа услышит, но между нами три человека.

Мама шикает на меня, а Шон, начальник папиного предвыборного штаба, посылает мне сердитый взгляд – заказным отпращиванием. Друг к другу мы питаем взаимное недоверие. Шон считает, что мне надлежит быть немой и хорошо выглядеть, но Дрикс помог мне, и молчать неправильно.

– Мам? – При звуке моего голоса у нее дергается голова. Говоря на сцене без напечатанного текста или телесуфлера, я совершаю нечто ужасное, равнозначное укусу новорожденного младенца. – Он не должен отвечать на этот вопрос.

– Поговорим об этом позже, – приглушенно бросает она.

Лидия, папина пресс-секретарша, подходит к микрофону с тем уверенным видом, принять который может лишь она одна. Лидия – умная и красивая афроамериканка, не раз говорившая мне, что мнение о человеке составляют еще до того, как он открывает рот, – по тому, как он входит в комнату.

В справедливости этих слов я убеждаюсь каждый раз, когда вижу ее. Одним своим появлением она внушает к себе уважение, и люди готовы дать его ей. Я завидую Лидии.

– Мистер О’Брайен, прошу вас подождать своей очереди и задать вопрос, когда вам предложат это сделать.

Я не раз видела Лидию за работой и знаю, что улыбка, отпущенная ею мистеру О’Брайену, репортеру-неудачнику, давно ненавидящему моего отца, рекомендует ему заткнуться. В задних рядах покашливают и посмеиваются, и Лидия объясняет, что Дриксу еще только семнадцать и что по закону информация о правонарушениях несовершеннолетних разглашению не подлежит.

Все правильно, все так и есть, и она говорит то, что и я хотела бы сказать, но на лицах слушателей другое. Они хотят знать, что натворил Дрикс, чтобы судить его самим. Прошлое не отпускает Дрикса, и это несправедливо, особенно сейчас, когда мой отец пытается создать для него будущее. Особенно сейчас, когда я

знаю, что программа работает.

Лидия заканчивает, и тут мистер О'Брайен снова подает голос, перебивая ее на полуслове.

– Я видел их сегодня вместе, мистера Пирса и дочку губернатора.

Лидия замирает, и вся аудитория конференц-центра замирает тоже.

– Я к тому веду, – продолжает репортер, – что эта программа больше двух лет была главным приоритетом губернатора. На нее тратится немало денег налогоплательщиков, а между тем мы не знаем, как она работает. И вот первое свидетельство: я встречаю участника программы с дочерью губернатора на ярмарке. Может, этот парень ее дружок, которого губернатор попросил прочитать речь, чтобы мы все были довольны и счастливы. Если мистер Пирс не желает рассказать нам о своем подлинном прошлом, чтобы мы, пресса, удостоверили это и сами решили, насколько далеко он зашел, то откуда же нам знать, что программа дает нужный результат?

Синтия шепчет что-то Дриксу, и он едва заметно качает головой. Она просит его признаться. Он не хочет и не обязан это делать. А я начинаю злиться на себя за то, что подвела его после того, как он помог мне.

– Это правда, Эльль? Ты была с ним на ярмарке? – шепотом спрашивает мама и одаряет таким взглядом, что мне хочется исчезнуть. Шон придвигается поближе, и отец смотрит на меня так, словно я каким-то образом предала его.

– Он спас меня. – Я качаю головой – получилось слишком драматично. – Дрикс помог мне. Меня преследовали какие-то ребята, и он вступился и помог.

– А что случилось с Эндрю? – продолжает допрос мама.

Переминаюсь с ноги на ногу:

– Я сбежала от него.

Мама закрывает глаза с таким видом, словно я только что призналась в похищении. Шон трет переносицу.

– Хендрикс Пирс демонстрировал склонность к насилию в отношении тех ребят?

– Нет. Только предложил побыть рядом, пока парни поймут намек, что им лучше уйти. Дрикс им слова не сказал.

– То есть он спас тебя.

– Точнее, помог, – поправляю я Шона.

Он смотрит мне в глаза и, похоже, дает молчаливое обещание наорать на меня потом.

– Нет, Эльль, он спас тебя.

Хмурюсь непонимающе и уже собираюсь спросить, что он имеет в виду, но тут Шон хватает меня за руку и тащит вперед. Дрикс вскидывает голову и впервые с тех пор, как мы виделись раньше, смотрит прямо на меня.

– Извините, – говорит в микрофон Шон. – Я – Шон Джонсон, глава администрации губернатора Монро и крестный отец Эллисон.

Люди смотрят на него с интересом и любопытством. Мне его действия понятны. Несколькими словами он показал, что занимает определенное положение и уже в силу этого требует к себе уважения. Я? Я всего лишь симпатичная девушка рядом с ним.

– Обычно мы не позволяем людям вроде мистера О’Брайена вести себя подобным образом, но стараемся быть вежливыми. А взамен рассчитываем, что и он будет в дальнейшем вежлив по отношению к губернатору и его дочери.

Матери пронзают мистера О’Брайена убийственными взглядами, и я с ними согласна – репортер заслужил право пойти на завтрак к какому-нибудь Ти-Рексу.

– Во-вторых, мистер Пирс сознался в своем преступлении, понес наказание и вступил в губернаторскую программу. Он отдал долг обществу и извлек урок из сделанных ошибок. В доказательство дочь губернатора объяснит, что случилось сегодня в парке развлечений.

Шон наклоняет голову и смотрит на меня, давая понять, что если я облажаюсь, меня никогда больше не выпустят на публику.

Яркий свет больно бьет в глаза. Я плавлюсь под его жаркими лучами. Различить отдельные лица почти невозможно, как невозможно определить, сколько человек смотрят на меня из зала и в каком они настроении – благодушном, раздраженном или мятежном.

Во рту пересохло. Я сглатываю и кладу пальцы на стойку микрофона.

– Хендрикс Пирс помог мне сегодня.

Шон негромко откашливается.

– Спас меня. Я была на ярмарке, и два парня постарше начали приставать ко мне. Тогда Дрикс... так Хендрикс представился... вмешался и...

Вспышки со всех сторон... голоса... люди задают вопросы.

– Мы ответим на ваши вопросы, – снова говорит в микрофон Шон, – но не забывайте, что вы разговариваете с семнадцатилетней дочерью губернатора. Никакого неуважения в ее адрес я не допущу.

Шон указывает на кого-то в толпе, и незнакомая женщина спрашивает:

– Вы не встречались с мистером Пирсом раньше?

Я качаю головой. Шон жестом предлагает говорить в микрофон.

– Нет. Я была на ярмарке, играла, и он играл неподалеку, но закончил раньше, и мы разошлись. Я пошла дальше, потом появились те ребята. Они преследовали меня, и тогда Хендрикс спросил, нужна ли мне помощь. Я сказала, что да,

нужна, и он предложил поговорить. Объяснил, что парни подумают, будто мы друзья, и в конце концов им это надоест и они отстанут. Хендрикс еще раз сыграл, а потом появился Эндрю.

– Эндрю? – спрашивает кто-то.

– Эндрю Мортон. – Не знаю почему, я начинаю нервничать, руки холодеют, и ладони делаются липкими от пота. Не могу избавиться от ощущения, что сказала что-то не то, что-то лишнее.

– А вы с Эндрю Мртоном друзья? – спрашивает кто-то еще, и мне становится не по себе. Совершенно случайно я упомянула имя внука самого могущественного сенатора США. Именно за место в Сенат и ведет кампанию мой отец. Шон уже готов поджарить меня заживо.

– Да. Мы дружим давно... я уже не помню, с каких пор. – Друзья, враги, сейчас это все пустые, не имеющие реального смысла, слова.

– А вы с Эндрю Мртоном планировали посетить фестиваль вместе? – интересуется еще один репортер.

– Да.

– У вас было свидание? – подает голос какая-то женщина.

Я невольно напрягаюсь:

– Что?

– У вас с Эндрю Мртоном романтические отношения?

Я застываю, как тот кролик, который замирает при малейшем звуке.

– По-моему, мы говорили о Хендриксе.

– Мистер Пирс и те ваши обидчики, они подрались?

Наконец-то вернулись к теме.

– Нет, он стремился избежать какого-либо столкновения.

Еще несколько вопросов, и я поднимаю руку. Чувство такое, будто здесь судят меня.

– Разве дело не в этом? Хендрикс прошел через папину программу, а когда ему представился первый шанс принять верное решение, он его принял. Мы были не знакомы, и он помог мне, не прибегая к насилию. Это, на мой взгляд, и есть успех.

Кто-то понимающе кивает, но я еще не закончила.

– Мистер О’Брайен, взрослые мужчины не преследуют семнадцатилетних девушек. Хотелось бы знать, почему вы не вмешались, когда те двое приставали ко мне. Если вы видели нас с Хендриксом вместе, то знаете, что случилось, и тогда вы поступили недостойно, потому что не помогли мне. Хендрикс помог, вы – нет.

Шон кладет руку мне на плечо и мягко, но решительно подталкивает в сторону. Судя по бушующему в глазах пламени, он уже определяет место в подвале, куда упрчет меня на следующие десять лет.

С легкостью, которой можно позавидовать, к микрофону подходит мой отец.

– Те, у кого есть еще вопросы к Эллисон, могут направить их моему пресс-секретарю. Как вы понимаете, день для моей дочери выдался напряженный, но мы все в высшей степени благодарны мистеру Пирсу. Мы обещали создать программу помощи для молодых людей штата, и вот теперь, на примере мистера Пирса, видим ее первые успехи и гордимся ими.

Он снова протягивает Дриксу руку. Вспышки, аплодисменты. Отец наклоняется к моему спасителю и говорит ему что-то. Не знаю, что именно, но по лицу Дрикса пробегает тень. Он сглатывает и едва заметно кивает.

Что-то случилось, и мне это не нравится. Я бы подошла к Дриксу, но Шон крепко держит меня за локоть и не отпускает, молча ругая за созданные проблемы.

Дрикс снова встает к микрофону и бросает бомбу, такую здоровенную, что земля содрогается у меня под ногами.

– Раз уж Эллисон набралась смелости объяснить, что сегодня случилось, я намерен сказать вам, в чем именно меня обвиняли...

Он продолжает, и теперь дрожит уже не только земля под ногами, но и весь мир. Потому что парень, оплативший в парке победу пятилетней малышки, парень, вступившийся за меня, когда никто другой этого не сделал, парень, сказавший, что не все представители сильного пола придурки, совершил ужасное, жестокое преступление. И теперь потрясен уже и мой мир.

Хендрикс

В штате Кентукки вооруженное ограбление квалифицируется как тяжкое преступление класса «В» и карается тюремным заключением сроком от десяти до двадцати лет. Человек, ограбивший магазин с пистолетом «Глок», кто бы это ни был, ушел с 250 долларами. На такие деньги можно оплатить счет за сотовую связь и заправить бак внедорожника. Добыча явно не равнозначная риску, но срок получил я, так что тот, кто взял деньги, оказался ловчее меня.

Двести пятьдесят долларов. Удар под дых.

Экссл въезжает в наш квартал. За ним, мигнув фарами, следует на своей машине Доминик. Холидей дремлет на тесном заднем сиденье старенького грузовичка брата. Келлен едет с Домиником.

Мы с Экслем всю дорогу молчим. Говорить особенно не о чем. Теперь весь мир считает, что я, разжившись стволом, грабанул дежурный магазинчик. Еще немного, и кто-нибудь, покопавшись в интернете, выяснит, что курок был-таки спущен, но пуля прошла мимо, и только это спасло меня от обвинения в

убийстве.

– Тебя изобразили героем, – понизив голос, говорит Эксл. Одну за другой мы проезжаем похожие коробки домов, выкрашенные светом фонарей в желтоватый цвет. На часах десять, и ночь заметно потемнела, когда мы свернули на нашу улицу.

– Вот это люди и запомнят. Как ты помог губернаторской дочке, когда никто другой на выручку ей не пришел. Есть чем гордиться.

Может быть. Но в памяти засело выражение на лице Элли, когда я выступил с признанием. Вот уж она о героях точно не думала. А думала о парне в маске, размахивающем перед кем-то пушкой.

Оглядываюсь на сестру. Так приятно, что она снова в моей жизни. Тепло и уютно. Холидей – девушка с большим сердцем и сильным голосом. Как у ее тетки, Билли Холидей.

– Я возьму ее на руки?

– Ей уже не шесть. – Эксл сворачивает на дорожку. – Сама ходить умеет.

Но на шестнадцать она не выглядит. Гляжу на нее и вспоминаю большие глаза, обнимашки, книжки-раскраски и слезные мольбы разрешить ей накрасить мне ногти розовым лаком.

В программе была девушка, младше Холидей, но тоже с большими глазами. Независимая и агрессивная днем, по ночам она дрожала от страха перед темнотой. Первые ночи вообще не смыкала глаз, так что на следующий день пеший переход становился для нее адом, тем более с рюкзаком, тянувшим на четверть ее собственного веса.

Она все больше отставала, все больше уставала и с каждым новым уровнем спирали становилась все несдержаннее и злее. На пятый день она упала. Испачкала волосы, порвала брюки, сбила до крови коленку, и, когда я увидел, как дрожит ее губа, что-то во мне перевернулось. Я понял, каково ей. Груз проблем с рюкзаком в придачу порой и меня пригибал к земле.

Говорили, что в центре содержания несовершеннолетних девушка никогда не плакала, и вот теперь пять дней в лесу подкосили ее. Я подумал о Холидей и, прежде чем девушка успела сломаться совсем, подошел к ней, взял ее рюкзак и протянул руку – помочь ей подняться. Она встала и пошла рядом, но больше уже не ругалась и не злилась. А потом и многие другие, кто помладше, потянулись за мной, как за Гамельнским крысоловом.

– Ты прав, ходить Холидей может, но я все-таки возьму ее на руки.

– Я сам ее занесу. Почему ты вообще решил всем рассказать? Твое дело под замком. Я только потому и согласился на весь этот цирк, что они пообещали, мол, никто не узнает, какое обвинение тебе предъявили.

Скрипит кожанам на заднем сиденье. Холидей сонно поднимает веки, но остается лежать.

Есть люди, отказ которым чреват последствиями. Губернатор попросил оказать ему «любезность». Сказал это так, словно записывался в мои должники, но, разумеется, я и на секунду ему не поверил. Я погладил его против шерсти, и в его власти снова отправить меня в тюрьму. Такие люди никому ничего не должны – должны всегда им. Скажи я Экслу правду, ему бы легче не стало, поэтому я соврал:

– Подумал, так будет правильно.

Эксл выключает мотор и качает головой.

Доминик и Келлен стоят у бампера древней, из 80-х, развалины Келлена, крышку багажника которой держит серая лента. Их отец работает в ночную смену и уходит не раньше половины одиннадцатого. Пока он дома, ни Доминик, ни Келлен туда не спешат.

Смотрю на переднее крыльцо, и сердце замирает.

– Вот черт, он вернулся.

Эксл оборачивается так быстро, что я кладу руку ему на локоть, – чтобы успокоился.

– Это не отец. Это Маркус.

Брат выдыхает. Я выхожу. В программе Маркус был голосом благоразумия. Моим однокамерником. Моим напарником. Тем, кто прикрывает тыл. Моим другом. Кто-то следовал за мной – я же следовал за Маркусом.

Он поднимается, черная громадина высотой в шесть футов и два дюйма, и его улыбка разгоняет тьму квартала. Ему едва исполнилось семнадцать, и в школе он идет годом позже – так уж сложилось, – но это не важно. Мы здороваемся за руку, но потом все равно обнимаемся. Похлопываем один другого по спине.

– Ты сказал, к тебе можно заскочить в любое время. Надеюсь, я правильно понял.

– Рад, что ты здесь. – Я отступаю на шаг и оглядываю его с ног до головы. Мы не виделись всего лишь несколько дней, но чувство такое, будто прошла вечность. С коротко постриженными волосами Маркус выглядит немного иначе. Я и не знал, а у него, оказывается, проколоты уши, и в обеих мочках фальшивые брильянты. Маркус одного со мной роста, но сложением ближе к Доминику.

– Как дома?

Улыбка меркнет.

– Я же здесь, да?

Киваю – мол, понял.

– Так плохо?

– Плохо. – Вид у него мрачный. Парень он резкий, но этот год дался ему тяжело. Я знаю, облажаться и профукать свой второй шанс ему так же страшно, как и мне.

– Мама пошла на повышение. Раньше встречалась с дилером, теперь – с каким-то крутым бандюганом. Мне такое общение на пользу не пойдет.

Когда Маркусу предложили сделку в обмен на признание – перед этим он за одну ночь украл три «БМВ», одну из которых разбил вдребезги, – его мать пообещала решительно изменить образ жизни. Наверное, она так и сделала, да вот только перемены не соответствовали потребностям сына. Я понимаю, каково это иметь такую маму. У Маркуса, к сожалению, нет старшего брата, который мог бы о нем позаботиться, поэтому я сказал, что одолжу ему на время своего.

Маркусу я обязан жизнью. Если мне и удалось сохранить здравый рассудок в течение последнего года, то в первую очередь благодаря дружбе с ним. Даже в самые мрачные моменты дружба с ним давала мне надежду. Я трудно схожусь с людьми, но Маркус – исключение, и я рад ему.

– Я – Эксл.

– Маркус. Дома стало немного жарко, вот и понадобилось местечко, где можно поостыть. Дрикс сказал, если что – можно вломиться.

Эксл пожимает плечами, как будто наткнуться ночью на незнакомца у себя на крыльце самое обычное дело.

– Кондиционер у нас часто ломается, а если и работает, тишины не обещаю, но наш дом – твой дом.

Маркус кивает в сторону двери:

– Ванной можно воспользоваться? Автобус на этом маршруте сломался. Я бы, наверное, пешком быстрее дошел.

Эксл отпирает дверь, и я лишь теперь замечаю рядом с рюкзаком тряпичный чехол, в котором угадывается форма гитары.

– Так ты и вправду играешь?

Маркус снова ухмыляется:

– Насчет музыки я тебе не врал.

В гостиной зажигается свет, и Маркус смотрит мне в глаза.

– Думал про то, что ты говорил на прошлой неделе насчет планов. Если решишь попробовать ту программу для молодых исполнителей, то я с тобой. Давай покажем этим богатеньким ублюдкам, как надо играть.

Он поднимает рюкзак, я беру гитару.

– Тебе помогут с подачей заявки?

Маркус качает головой:

– Сказали, что помогут поступить в профессиональный колледж. Вот я и говорю, давай покажем, что талант бьет деньги.

Сначала надо попасть на прослушивание, но про это я пока предпочитаю помалкивать. Маркус не теряет надежды, а ведь это нелегко – пройти программу и обнаружить, что дома тебя не ждут.

– Встретимся в гараже. Хочу посмотреть, не было ли все твое бахвальство пустым трепом.

Он хлопает меня по спине:

– Ты уже трясешься от страха. Знаешь, что с таким талантом, как у меня, тебе не сравниться.

Эксл открывает дверь. Маркус входит первым, а Холидей я тяну за рукав, и она останавливается. Дверь закрывается. Сестра вопросительно смотрит на меня большими темными глазами.

– Все в порядке?

– Сделай доброе дело, приготовь ему что-нибудь поесть, – говорю я, понизив голос, потому что окна и сайдинг у нас тоньше бумаги. – Может быть, со вчерашнего ужина что-то осталось.

Холидей кивает и входит в дом, не задавая вопросов, потому что все понимает. В ее жизни выпадали голодные дни, а гордость – такая штука, которая не позволяет признаться, что у тебя пусто в животе. Если Маркус человек такого же склада, как и я, – а он именно такой, – то в моем присутствии от предложения перекусить он мог и отказаться.

Доминик и Келлен наблюдают за нами с улицы. Готов ли я снова играть музыку с Домиником? Музыка, аккорды, струны, мелодии – вот что объединяло и связывало нас, но как будет теперь? Не знаю. И не буду знать, пока он не расскажет правду о случившемся в тот вечер – даже если вся правда это только объяснение, почему он ушел тогда и оставил меня одного. Пока он не поблагодарит меня за то, чем я пожертвовал ради него. Доминик ждет, что я приглашу его, но я не приглашаю и вместо этого поворачиваюсь и иду к гаражу.

Гараж – не место для парковки. Машина не заезжала сюда уже много лет. То, что находится здесь, священнее любой церкви, порог которой я переступал.

Я отпираю замок, поворачиваю ручку и толкаю плечом старенькую дверь. Щелкаю выключателем, и рабочий свет вверху моргает, потрескивает и загорается. В нос ударяет запах пыли, плесени и машинного масла. Знакомая смесь. На секунду я закрываю глаза.

Передо мной гитарные стойки, шнуры, усилители, колонки, синтезатор, пианино и футляры с гитарами – электрической, басовой, акустической и... чего здесь только нет.

У задней стены, накрытое брезентом, то единственное место, где я ощущаю себя собой. Роднее, чем дом, комната или даже кровать. За барабанами я как будто обретаю крылья, я лечу, я свободен. Во всех прочих местах я чувствую себя змеей, постоянно пытающейся сбросить мертвую кожу.

Откидываю брезент, и в воздух поднимается облако пыли. Теснится грудь. В последний раз я видел установку после концерта. Я все собрал, а потом уложил в грузовичок Эксла. Вообще-то это его работа. Только он не пожалел бы

времени, чтобы отыскать ее и привезти. Только он поставил бы ее сюда и так заботливо укрыл. В горле першит, и я тру ладонью лицо.

Последние слова, которыми мы обменялись перед арестом, были брошены в гнев. Я злился на него. Он злился на меня. Я был глупцом, он оказался прав. Я считал себя умнее и не стал даже слушать.

Наша группа много разъезжала. Мы становились чем-то вроде местных знаменитостей. Нас узнавали в штате. Наши поклонники появлялись уже по всей стране. Слава раздувала самомнение. Я вел себя так, как и должна была, по моему мнению, вести себя рок-звезда.

Та, последняя наша ссора случилась из-за того, что Эксл попытался сказать, что я зазвездился, а я ответил, что он просто завидует. Вспоминаю, и мне становится тошно. Как будто я был кем-то, кому стоило завидовать. Сколько сказано и сделано такого, что хотелось бы взять назад.

На стуле лежат палочки, и пальцы чешутся от желания взять их и... Но что это скажет обо мне самом? Что я слаб? Что возвращаюсь на дорогу, идти по которой больше не желаю? На месте ударника я чувствовал себя богом. Сидя за барабанами, я постоянно выбирал не то, что следовало бы. Но при мысли о звуке, об игре через меня проходит волна возбуждения, намного более сильного, чем то, что дает алкоголь.

Я провожу пальцем по тарелке, осторожно и медленно, чтобы не звякнуло. Гладкая, но не новая, холодная, но теплеющая от прикосновения. Представляю звон от удара и ощущаю внутри себя дуновение ветерка.

– Сыграй, – говорит Эксл, и я тут же отступаю и даже сую руки в карманы джинсов.

Нет, играть мне нельзя. За барабанами я сам себя не контролирую. Беря в руки палочки, я переходил на другой уровень, переносился в иную область сознания. Это была чистейшая, природная свобода, дававшая мне ощущение непобедимости. Я привыкал к этому чувству, как к наркотику, привыкал думать, что никогда не умру.

Но все-таки умер – по крайней мере «я» прежний – и теперь не доверяю себе в такой мере, чтобы открыться тому ощущению полета и свободы, которое приходило с игрой на барабанах. Тогда мне не хватало сил справиться с вырвавшимися из-под контроля чувствами, и у меня нет оснований полагать, что я удержу их в узде теперь. Для начала я должен стать лучше. Ради себя самого и ради моей семьи – мы все этого заслуживаем.

– Соседям точно не понравится. Сыграем на акустике. – На гитаре у меня тоже получается неплохо, а главное, игра на ней не пробуждает безумных ощущений, от нее не сносит башню.

Может быть, я смогу заниматься музыкой, если выберу в ней другую дорогу, потому что прежняя, связанная с барабанами, привела в ад.

– Где Маркус?

– Ест. Спорит с Домиником насчет фендеровских гитар. И, кстати, мы всегда играем поздно вечером, так что соседи тут ни при чем. – Эксл прислоняется плечом к дверному косяку.

– Не хочу беспокоить Холидей. Она устала, и ей надо поспать.

– Холидей будет только рада. Без тебя здесь ни одна струна не дрогнула. И к барабанам никто не прикоснется.

– Потому что они прокляты? – Шутка не удалась – вопрос прозвучал серьезно.

– Потому что они твои. – Эксл держит паузу, как будто ждет, что эти слова дойдут до меня, будут усвоены, и все разом поправится, но они отскакивают от меня и повисают в воздухе.

Он отталкивается от косяка и входит в гараж.

– Остальные знают, как играть, но никто из нас не умеет держать ритм, как ты. Когда ты играл, то играл душой и сердцем. Ты играл так, что я чувствовал твой ритм в крови.

Да, я и сам чувствовал этот ритм в крови. Музыка поглощала меня, и это был мой грех.

– Я становился таким, как наш отец.

Молчание. Тяжелое. Пугающее. И ощущение пустоты в животе, ведь я сказал это отчасти и для того, чтобы брат не согласился. Но он молчит, не возражает. И оттого мне тревожно и больно.

– То преступление совершил не ты, – говорит Эксл, – но когда тебя арестовали, у меня камень с плеч упал.

Бетонный кулак мне в голову, и я слышу, как ломаются кости.

– Тебе требовалась передышка. И та программа тоже. Она дала тебе то, чего я дать не мог. Ты мчался к пропасти на всех парах, и мне не удавалось тебя остановить.

Потому что я не желал слушать.

– Знаю, возвратиться домой дело нелегкое. Ты не понимаешь, где твое место, куда тебе встроиться. Все в порядке. Вовсе не обязательно возвращаться к прежнему.

Поворачиваю голову:

– Так и есть. И в этом все дело. Я не знаю, кто я такой и кем хочу быть.

– Но знаешь, кем не хочешь быть. Это большой шаг.

Я беру гитару, которую Эксл когда-то давно купил мне на день рождения, опускаюсь на табурет, и пальцы сами, не ожидая команды, начинают перебирать струны. Прислушиваюсь к звучанию, ловлю, закрыв глаза, вибрации, регулирую колки, добиваясь идеальной высоты.

Через несколько секунд Эксл берет акустическую гитару, садится напротив меня и тоже настраивает инструмент на слух. Об этом мгновении я мечтал целый год.

О том, как снова буду играть, творить музыку. Бесподобное чувство.

– Подумываю подать заявку на участие в программе для молодых исполнителей, – небрежно говорю я. Маркус – хороший парень, но порой болтает лишнего. Не скажу я – проговорится он. – Срок подачи заявок истекает через месяц.

Пальцы Эксла замирают, но лишь на мгновение, а в следующее они уже продолжают работу.

– На каком инструменте будешь прослушиваться?

– Сначала они должны принять мое заявление.

– На каком инструменте?

Когда это, черт возьми, он успел стать таким оптимистом?

– На гитаре.

– Ты зверь на барабанах. Это твой дар. Подобным не разбрасываются.

Я и не хочу, да только себе не доверяю.

– Все переключаются время от времени с одного инструмента на другой. Вот и мне пришло время отказаться от барабанов.

– Барабаны – это ты, твоя сущность. Но ты позволил отцу завладеть тобой, ты пошел за ним. Отец в отъезде, и я сказал, что если он закатится в город, его здесь не ждут. Дом – мой. Вы оба под моей опекой. Отец уехал. Сев на место ударника, ты не станешь таким, как он. Добьешься успеха, прославишься, и вот тогда своим поведением докажешь, что ты не такой.

Играть на барабанах меня научил отец. Он же свел меня с одной уже успешной группой. Он же показал, как празднует, по его мнению, успех настоящий мужчина.

– Я больше не могу рисковать. И возвращаться к тому, чем был, не хочу.

– Не вернешься.

Прижимаю струны ладонью.

– Ты же не думаешь, что я виню барабаны? Сам знаю, дело было во мне самом. Знаю, что ошибался, выбирал не то. Возвращение к музыке меня пугает, но она – единственное, в чем я хорош. Она – мой единственный шанс сделать что-то стоящее. Я мог бы сказать, что музыка сгубила меня, но не скажу. За барабанами я чувствовал себя богом и теперь не доверяю этому чувству. Попробую с гитарой. И ты попробуй со мной.

– Я с тобой попробую. – Маркус входит в гараж с половиной сэндвича в руке. – Не знаю, о чем речь и что мы попробуем, но я в деле. Лишь бы только закон не нарушать.

Маркус расстегивает молнию на футляре и достает электрогитару и провода. За дверью гаража, в темноте, какое-то движение. Сначала Доминик перепрыгивает забор и поворачивает к дому, а потом Келлен, последовав за ним, прислоняется к ограде между нашими домами и смотрит на меня. Играть без Доминика – кощунство, и меня гложет чувство вины, но я оправдываюсь тем, что ведь и Доминик наплевал на нашу дружбу и не объяснил, почему бросил меня в ночь ограбления, когда я отрубился на улице. Я свой долг отдал, отсидел год, и теперь пришло его время сказать мне правду. Только после этого мы сможем играть вместе.

Эллисон

Ладно мама и Шон, но теперь уже и папа намерен засадить меня дома и никуда не выпускать. И вот они втроем и по очереди кричат, разносят меня в пух и прах и вообще выставляют полным ничтожеством только лишь потому, что мне захотелось сыграть в «Прибей Крота». А еще потому, что, как заявила мама, я солгала, поскольку никому об этом не сказала.

Сейчас эта троица да еще несколько избранных из папиного штаба собрались в его офисе внизу. Решают, как со мной быть и куда упрятать. Вчера я крупно прокололась, и теперь уже понятно, что папа с мамой костями лягут, но ни до какой стажировки не допустят.

Я в своей комнате, сижу на полу с ноутбуком на коленях и пытаюсь с головой уйти в работу. Занимаюсь программированием; не все идет, как нужно, но это не страшно. На меня такие ситуации всегда действуют успокаивающе: разобрать то, что не работает, отбраковать сломанное, найти работающее и сложить все вместе, чтобы получилось нечто функциональное, сделать что-то новое.

Вибрирует сотовый, но я решаю не обращать на него внимания, как уже поступила с новостями и сообщениями в соцсетях. Снова вибрация – уже четвертый раз. Друзья завалили сообщениями – все хотят знать закулисные подробности того, что показывают в новостях, но я молчу и не отвечаю. Очередной звонок. Вообще-то, мне это все уже начинает надоедать. Тем не менее, вопреки желанию швырнуть что-нибудь тяжеленькое, я бережно ставлю ноутбук на пол и беру сотовый.

Генри: Ты в порядке?

Генри: Ответь.

Генри: Ответь немедленно.

Генри: Отвечай, или я снова позвоню твоему отцу и скажу, что ты четыре месяца назад тайком ходила на свидание.

Генри: Звоню.

Быстренько набираю сообщение, потому что еще одна драма нужна мне сейчас, как дырка в голове.

Я: Все в порядке. Никакого свидания не было. Просто несколько парней и несколько девчонок. Вот и все.

Генри: Парни все-таки были, да?

Я: Да.

Генри: Значит, свидание.

Хотела ли я, чтобы это было свидание? Да. Было это свиданием? Надеюсь, что нет. Какой-то парень едва ли не весь вечер таращился на мою грудь и, вместо того чтобы поговорить, пытался до меня дотронуться. В моем представлении свидание – это что-то другое.

Я: Ненавижу тебя.

Генри: Как-нибудь переживу. Видел новости. Что за придурок был с тобой?

Я: Какие-то двое пристали. Я их не знаю.

Генри: Это я понял. Я спрашиваю про парня, на которого ты пялилась. Тебе еще рано так пялиться на парней.

Хочется выть и стонать. Откидываюсь назад и бьюсь затылком о кровать. У прессы и телевидения сегодня большой день: повсюду фотография со мной и Дриком. Вот почему всем друзьям и знакомым хочется знать подробности. Учусь я в школе для девочек и на свидания не хожу, если не считать вылазок с подругами на вечеринки, где бывают и парни. Уверена, никто бы мне никаких свиданий не разрешил. То есть прямых запретов не было, существовало лишь негласное соглашение. Мальчики – это осложнение.

Я: Хотя бы в чем-то ты с ними согласен.

Смотрю на сотовый, жду ответа и улыбаюсь – заткнула. Но тут же хмурюсь – приходит еще одно сообщение.

Генри: Так ты встречалась с этим парнем, Пирсом?

Я: Впервые его увидела. И вовсе на него не пялилась.

Генри: Нам обязательно говорить сейчас о сексе? Если да, то вот: ты становишься монахиней.

Дикарь.

Я: Я не католичка.

Генри: Как посмотреть.

Меньше всего мне сейчас хочется говорить с Генри о парнях, поэтому, когда по дому разносится громкая и звонкая трель, я мысленно возношу благодарность богам дверных звонков.

Генри: Сможешь заглянуть вечером к бабуле?

Скорее всего, меня никогда больше не выпустят из дома.

Я: Постараюсь завтра. Кто-то пришел – звонят. Надо идти.

Выхожу в коридор, шлепаю босиком по мягкому ковру, спускаюсь по изогнутой лестнице и пересекаю холл.

Открываю дверь, и весеннее тепло просачивается мимо меня в дом. Поднимаю голову и привычно улыбаюсь, полагая, что встречаю кого-то из папиного предвыборного штаба, но глаза лезут на лоб, а в вены поступает изрядная доза адреналина. Того самого, от которого щекотка под кожей и такое ощущение, как будто плывешь.

Нет, это не из папиной команды. Сексуальные светло-русые пряди, накачанные руки, широкие плечи и красивые темные глаза. Я открываю рот, но слов нет. Этого просто не может быть. Я хочу, чтобы это было по-настоящему, но мозг не находит логической причины, почему это может быть. На ступеньках нашего дома стоит тот, кто снился мне всю ночь. Дрикс.

Хендрикс

Вчера Элли была прекрасна – как журнальное совершенство, – и сегодня она прекрасна тоже, но уже по-другому, и такой идеал мне ближе. Обрезанные джинсовые шорты, облегающая изгибы тела майка, светлые волосы собраны в свободный, немного растрепанный пучок, очки в черной роговой оправе. Должен признать, ничего более сексуального я уже год как не наблюдал.

Голубые глаза сначала округляются от удивления, потом устрашающе сужаются.

– Что ты здесь делаешь?

Я небрежно засовываю пальцы в шлевки джинсов и задаю себе тот же вопрос.

– Моему брату час назад позвонил какой-то парень, Шон Джонсон. Сказал, что мне надо прибыть сюда.

Рот у нее съезжает куда-то вбок, и я отслеживаю это движение с почти непристойным интересом. Ее губы созданы для греха. Такого рода магией я сам пользовался раньше, когда хотел обеспечить себя на вечер поцелуями. Теперь грех и я – не друзья больше, и мне полагается избегать соблазна.

– Похоже, ему звонил Шон. Любит изображать из себя босса и всеми командовать. – Она открывает дверь пошире и отступает в сторону, чтобы я мог пройти. – Входи, а я его поищу. Хотя ты и сам можешь это сделать. Надо просто закрыть глаза и ощутить темную энергию Силы.

После подписания соглашения чаще всего Эксл общался именно с ним, этим самым Шоном Джонсоном, и насчет энергии темной Силы он бы с Элли, наверное, согласился. Брат отзывался о нем как о человеке деловом, но бесцеремонном.

– Один мой хороший друг – фанат «Звездных войн».

– Я смотрела несколько раз. Хороший фильм, но, знаешь, не мое. Моему кузену очень нравится. Мне в десять лет миндалины удалили, и мы все фильмы пересмотрели.

Я прохожу в дом.

– Вот, наверное, пытка была, да?

Лицо ее светлеет, как будто в голове звучит невидимый хор. Такой хор, слушая который ты понимаешь, что уже никогда не будешь прежним, так сильно он бережит твою душу.

– Нет. С Генри такого не бывает. С ним что ни делай, все интересно.

Это я понимаю. У меня такое с Экслем бывает.

Элль закрывает дверь, и я замираю. Когда стоял перед домом снаружи, он представлялся грозной крепостью из красного кирпича. Теперь же, попав внутрь, я чувствую себя комочком грязи на подошве чьей-то туфли.

– Послала Шону сообщение. – Элль опускает сотовый в карман. – Обещал быть через несколько минут.

– Ладно. – За спиной у нее массивная лестница, ведущая на второй этаж, и открытый, просторный холл. Под ногами темное дерево, на стенах – белый молдинг. Справа – огромная и тяжелая дубовая дверь; слева – столовая с длинным столом и люстрой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Тип тарелок, используемых в ударных установках.

Купить: https://tellnovel.com/makgerri_keti/skazhi-cto-budesh-pomnit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)